

Галерея «Максим»

Автор:

Олег Рой

Галерея «Максим»

Олег Юрьевич Рой

«Галерея «Максим» – настоящий подарок любителям загадок, внезапных сюжетных поворотов и глубокого психологизма в литературе. И если прибавить к этому тонкий лиризм и мудрую философию, всегда отличающие книги Олега Роя, то несложно понять, почему этот роман вот уже много лет уверенно входит в первую десятку в рейтинге лучших российских произведений современности.

Это история о талантливом, но не нашедшем призвания художнике, много лет хранившем в качестве талисмана одну из своих картин, где отпечаталась ладошка его маленького сына Максимки. Однажды художника уговаривают продать картину, и это решение погружает его и его близких в водоворот настолько удивительных событий, что всё происходящее кажется фантастикой или даже мистикой. В этом сюжете есть всё: творчество и разочарование, нежность и страсть, месть и ревность, взлёты и падения, трагедии и безграничное счастье. И, разумеется, неожиданная развязка, которая заставит каждого читателя воскликнуть: «Ну конечно же! Как же я мог не догадаться! Ведь ответ на главную загадку лежал на поверхности. Но я почему-то его не увидел...»

Олег Рой

Галерея «Максим»

Часть 1

Семейный портрет в интерьере

1999 год

К середине лекции по строительной механике Макс уже окончательно решил, что смоеется с остальных пар. Очень уж тоскливо казалось сидеть в душной аудитории и слушать нудное бубнение препода, когда на улице такое яркое, праздничное, радующее глаз и душу бабье лето. Быть может, последние теплые деньки в этом году, слишком теплые для октября. Не исключено, что уже через неделю-другую наступят холода, начнутся либо хлюпающая каша под ногами и мокрый снег, либо гололед – все эти «прелести» долгой московской зимы. И что же – остаться здесь еще на три с лишком часа? Ну уж нет! Прочь из универа, на волю! Больше невыносимо здесь торчать, да еще в такой день. А день сегодня и впрямь особенный. Не потому, что за окном тепло и солнечно, а потому, что сегодня вечером он снова увидит Лену. С тех пор, как начался учебный год, они встречались редко, ей стало все время некогда. Впрочем, и в каникулы общались не очень-то часто. Лена много работала – и официанткой в кафе, куда устроилась на лето, и подхалтуривала на всевозможных презентациях, выставках, детских праздниках, массовках...

– Слушай, ну что ж ты так надрываешься? – не раз спрашивал ее Макс. – Лето, жара, сейчас бы гулять, купаться... А ты все работаешь и работаешь. От работы, между прочим, конидохнут.

– Мне нужны деньги, – привычно отвечала Лена.

– Ну, не до такой же степени! Знаешь поговорку: всего пива не выпьешь, со всеми девчонками не перегуляешь, а всех денег не заработаешь.

– Ладно, Максим, не будем об этом, – обрывала разговор она, а между строк читалось: «Тебе этого не понять».

После таких слов Макс замолкал. По большому счету, Лена была права. Ему действительно было ее не понять, он, признаться, даже вообразить себе не мог, что сам будет когда-то работать, ходить в офис, зарабатывать деньги... То есть со временем, конечно, придется это делать, никуда не денешься, но пока даже думать о подобных перспективах не хотелось. Пока что деньги и все к ним прилагающееся доставались ему легко. Не в таком объеме, конечно, в каком хотелось бы (например, тачки своей у Макса в девятнадцать лет так до сих пор и не имелось), но на жизнь хватало. Мать почти ни в чем не отказывала единственному сыну, дед нет-нет да делал неплохие подарки, дядя Влад частенько подкидывал «на молодость», как он это называл, – с тех пор, как Макс узнал, что у них с маман шуры-муры. Впрочем, маму Максим за это не осуждал, даже был в какой-то степени на ее стороне, понимая, что батя у них тот еще зануда. С таким талантом, как у него, можно было бы как сыр в масле кататься, свалить за кордон в какое-нибудь теплое местечко, куда-нибудь в Италию или Швейцарию (с семьей, разумеется!), и жить там припеваючи. Так ведь нет – у него, понимаете ли, принципы, не хочет, видите ли, родину покидать...

Когда в коридоре зазвенел наконец-то долгожданный звонок, Макс первым сорвался с места и, перепрыгивая через ступеньки, поскакал через всю огромную аудиторию вниз, с привычной верхотуры, где всегда сидел, к выходу.

– Максим! – окликнул его в спину девичий голос. – Емельянов!

Он обернулся и встретился глазами с преданным взглядом Ани Дорошиной. Отличница, первая зубрилка потока глядела на него с таким обожанием, что парень невольно усмехнулся про себя.

– Чего? – не слишком приветливо спросил он.

– Максим... – Она опустила глаза и вся залилась краской. – Ты... Я хотела... Я хотела спросить... Ты задачу к семинару решил?

– Не-а, – весело покачал головой Макс. – И задачу не решил, и на семинар оставаться не собираюсь. Пока!

И помчался дальше, не слушая ее лепет о строгой преподавательнице, которая всегда отмечает отсутствующих на ее семинаре, чтобы потом, на экзамене, содрать с них три шкуры. На преподшу было плевать – все равно вопросы с экзаменами решала маман, «финансовым методом», как Максим это называл. А уж на Аню Дорошину с ее детской влюбленностью в него Максу было наплевать вдвойне. Эта забитая, угловатая, неуклюжая девчонка с острыми коленками и мышиного цвета волосами и в подметки не годилась Лене. Ею Лене, красавице и будущей звезде экрана. В последнем Макс ни секунды не сомневался. С такой внешностью, с такой уверенностью в себе, с такой настойчивостью и работоспособностью Лена обязательно пробьет себе дорогу. Еще немного – и ее заметят, будут снимать в кино в главных ролях и показывать по телевизору. А он, Макс, будет гордиться тем, что у него такая девушка. Он и сейчас гордится своей Леной, ведь завоевать ее было непросто, очень непросто. Но Максу это все-таки удалось. Пусть изредка, но они встречаются. Последний раз виделись в выходные, провели ночь в отеле, и это было просто чудесно. И видимо, ей тоже понравилось, потому что сегодняшнее свидание Лена назначила сама, всего через два дня. Сама позвонила ему на мобильный и сказала, что надо увидеться. Встреча будет в восемь вечера, в кафе на Чистых прудах, рядом с ее любимым театром «Табакерка». Но до вечера еще нужно как-то убить время... Не домой же ехать! Макс кинул взгляд на большие электронные часы, висевшие в холле прямо над дверью. Маман, скорее всего, только недавно проснулась и теперь чистит перышки перед выходом, это занятие ежедневно отнимает у нее несколько часов. Из-за маман можно не напрягаться – она вообще у него ненапряжная. А вот если дома батя, то это кранты!.. Пожалуй, еще примется читать нотации об ограниченности, легкомыслии и бездуховном образе жизни, который ведет сын... Нет уж, домой ехать не стоит. Надо придумать что-то другое.

Выйдя на крыльцо, Макс достал мобилу и набрал номер своего друга Ярослава – Яра. Тот сегодня вообще не соизволил явиться в универ, скорее всего, просто-напросто забил на занятия. И сейчас наверняка зависает где-нибудь, отрывается по полной.

– Привет! Ты где, чего делаешь? – радостно закричал Макс, услышав в трубке «Алло!».

Проходивший мимо седобородый дядька профессорского вида с явным неодобрением покосился на Максима, особенно на сотовый в его руке. Похоже, завидует студенту – у самого небось и мобилы-то нет, а если и есть, то какой-

нибудь здоровенный допотопный агрегат с огромной антенной. Не то что его новенькая аккуратная и компактная Nokia последней модели, всего-то пятнадцать сантиметров длиной. Тут и впрямь есть чему позавидовать. От этих мыслей Максу стало весело.

– Здорово, Макс! – отвечал тем временем Яр. – А мы тут с Гочей в кабаке зависаем, ну, знаешь, в подвале на Новослободской. Хочешь – подваливай к нам. Или ты там на парах прилежно ботанишь, а?

– Не, из универа я уже смылся! – повысив голос, сообщил Макс прямо в спину профессору. Вариант развития событий, который предлагал друг, его более чем устраивал, тем более что от Новослободской до Чистых прудов не так уж далеко. – Сейчас тачку поймаю и подвалю. Ждите, ща буду!

И помчался на Ярославское шоссе ловить машину...

Ему всегда нравился этот бар с деревянными, нарочито грубо сколоченными столами и табуретами в стиле салунов из вестернов. Как-то раз он привел сюда и Лену, но девушка его симпатий не разделила, сочла, что тут слишком накурено, излишне шумно и неудачный подбор музыки – одна попса. Однако Макса и его приятелей все это нисколько не смущало.

– А вот и я, не ждали? – улыбнулся он, пожимая руки друзьям.

Приветствуя Макса, Яр поднялся, чуть приобнял его, похлопал по плечу. Гоча оставался сидеть, ограничился тем, что протянул ладонь.

В глубине души Макс завидовал им обоим. Но по разным причинам. У невысокого, крепко сбитого Яра были богатые родители, его отец владел фирмой куда более крутой и крупной, чем у деда Максима, – совместным с Турцией предприятием, которое строило по всей Москве современные деловые и торговые центры из стекла и бетона. Правда, Ярослав постоянно ныл, что «черепа», как он их называл, держат его в черном теле. Денег дают мало, вместо того чтобы купить новую тачку, отец отдал ему свою старенькую «праворукую» «Тойоту» – а сам-то на «Гелендвагене» ездит... Но Макс воспринимал его жалобы как кокетство и не относился к ним всерьез.

С Яром они дружили уже год. Сошлись уже в начале первого курса – каждый почувствовал в другом родную душу. Вместе прогуливали занятия, вместе развлекались по вечерам и ночам, вместе смеялись над зубрилами-сокурсниками и их страхом перед сессией. Когда у твоих предков есть бабло, за сдачу экзаменов можно не беспокоиться! Все преподы, если найти к ним правильный подход – с конвертиком в руках, – очень охотно входят в положение студента. Ну, или почти все. За весь прошлый год Максиму попался только один препод, наотрез отказавшийся решать проблему финансовым методом. Принципиальный, понимаешь, оказался. До сих пор у Максима из-за него «хвост» болтается. Хорошо еще, что предмет неважный, по нему даже не экзамен, а так, зачет.

У Гочи богатых родителей не было. Точнее, у него вообще не было никаких родителей. Мать отказалась от него сразу после рождения, кто был отец, вообще неизвестно. Гоча вырос в детдоме, потом получил крошечную квартиру в доме на окраине, нигде не учился и не работал, жил в свое удовольствие. Макс познакомился с ним через Яра – тот относился к Георгию чуть ли не с благоговением, считал до невозможности крутым и только что не криминальным авторитетом. Максим же в принадлежности Гочи к бандитам не был уверен, впрочем, его это и не особо интересовало. Как и то, чем тот занимается и как добывает средства к существованию – вполне себе даже небедному. Георгий ему тоже нравился – импонировала его мужественность, его взрослость (несмотря на то что они с Яром были всего на год моложе Гочи, тот держался гораздо солиднее и казался старше их). Но больше всего Макс восхищался его уверенностью в себе, особенно ярко проявлявшейся в общении с противоположным полом.

Внешне Макс с Гочей были немного похожи. Девчонки, с которыми они знакомились, иногда даже принимали их за братьев. Оба высокие, примерно одного роста и почти одинаковой комплекции, оба темноволосые и темноглазые, с крупными чертами лица. Вот только Георгий – Макс вынужден был это признать – выглядел куда лучше, куда привлекательнее. Да что там говорить – просто-таки красавцем он был, этот Гоча, черт его побери! Женщины, и молоденькие, и постарше, один раз взглянув в его сторону, уже не отводили от него глаз.

Максим, в общем-то, тоже был вроде бы недурен собой, но его внешность, как ему казалось, очень портил искривленный нос – результат падения с «горного» велосипеда, который дед подарил внуку на тринадцатилетие на зависть

приятелям по двору. А еще уши... Некрасивой формы, слишком оттопыренные, они, по мнению их обладателя, были столь ужасны, что приходилось прятать их под волосами. Макс у не очень-то шли длинные волосы, гораздо лучше смотрелась бы короткая мужественная стрижка, но позволить себе такую роскошь он не мог – из-за проклятых ушей. Так что оставалось только отращивать патлы и завидовать Гоче, с его голливудской внешностью и бешеным успехом у девчонок. И на всякий случай держать приятеля как можно дальше от Лены. Сколько бы та ни уверяла Максима, что он симпатичный и вообще «внешность в человеке не главное», он ни за какие деньги не стал бы знакомить ее с Гочей – мало ли что...

– Слышите, парни, тут такая тема, – начал Яр, когда двухпинтовые кружки пива перед ними уже наполовину опустели, – айда сегодня вечером в «Дикую утку». Я там таких телочек высмотрел – закачаешься!

– Не, братела, я пас, – покачал головой Максим. – Сегодня я занят, надолго и прочно.

– Ясно, – понимающе усмехнулся Яр. – Со своей встречаешься, да? Ну, на нет и суда нет. Гоча, а ты как?

– Да я бы не прочь... – лениво протянул тот. – Только я сейчас на мели. «У пана атамана нема золотого запасу». Спонсируешь?

Яр отвел глаза:

– Ты ж знаешь мою засаду с предками... Еле-еле сегодня у них на бензин выпросил. Макс, может, ты раскошелишься?

Максим ненадолго задумался.

– Я тоже пустой... Но есть идея. Можно у маман попросить.

– А она даст?

– Конечно, не вопрос. Я все равно собирался ей звонить, бабла покланчить.

* * *

До встречи оставалось меньше четверти часа. Алла взглянула на свои новенькие часики и снова невольно залюбовалась ими. Красивая безделушка известной ювелирной фирмы явно стоила очень недешево, и это делало маленький презент от Влада еще более приятным. Сама она позволить себе такие вещи, увы, не могла.

Мужу, разумеется, пришлось наврать, что часы куплены на распродаже и за сущие копейки. Лучше бы было, конечно, сказать, что это подарок отца, но она как-то сразу не сообразила и потом пожалела об этом. Илья долго недовольно шлепал губами, вздыхал, но в конце концов смирился и замаял тему, посетовав напоследок: «Ты невыносимая транжира!» Может, понял, что она его обманула? Вряд ли, он плохо разбирается в ювелирке. Впрочем, хоть бы и понял! Глядишь, задумается о том, что у них давно уже не семья, а черт-те что и сбоку бантик, каждый сам по себе. Да и как может быть иначе, если она, Алла, одна в этой семье зарабатывает деньги? Если бы не ее бутики (ну, и папина помощь, конечно), они вообще с голоду бы умерли и голыми ходили. Картины Ильи здесь, в России, покупали редко и неохотно, и это было особенно обидно, учитывая то, как понравились его работы публике в Европе. Эх, если бы Илья был хоть чуточку более предприимчивым и менее упертым, их жизнь сложилась бы совсем по-другому. Перебрались бы на Запад, зажили бы как люди... Черт, даже думать на эту тему досадно!..

А тут еще, как назло, опять красный свет. Да что ж ей так не везет сегодня! Пока ехала, ну просто все светофоры собрала, без исключения. И, здесь, похоже, можно застрять надолго, вон какой хвост выстроился. Плотный поток машин никак не хотел пропускать ее золотистую «Део Нексию». Грязная «Газель» нагло встала прямо перед ней, когда она наконец увидела небольшой просвет, в который можно было втиснуться. Алла с раздражением ударила по клаксону, но водитель даже не удостоил ее взглядом. В соседней машине толстяк в офисном костюме смотрел в окно отсутствующим взглядом и тоже явно не собирался дать ей возможность проехать.

«Ну уж нет! – раздраженно подумала Алла. – Я с вами тут стоять не буду, мое терпение лопнуло. Это у вас полно времени, а меня ждут!»

Ловко вырвав на бровку тротуара, она проехала полквартала и выскочила через ближайший проходной двор на параллельную улицу. В этот момент несколько

раз тренькнул мобильный, но трубку Алла не взяла. Наверняка Илья звонит, кто еще может так не вовремя?

С парковкой повезло – нашлось местечко почти у самого отеля. В итоге Алла опоздала минут на десять, не больше. Вышла из машины, не забыв поставить ее на сигнализацию, поправила на плечах отороченную рысью накидку. Чуть покачиваясь на высоченных шпильках, поднялась на крыльцо, миновав сенсорные двери, вошла в холл, на ходу осмотрела себя в огромном зеркале и улыбнулась: она была безупречна. Впрочем, как всегда. Шедшая навстречу женщина в элегантном костюме от Дольче & Габбана кинула оценивающий взгляд на ее часики, и это доставило Алле особенное удовольствие.

В лобби-баре отеля играла тихая фортепианная музыка. Влада Алла увидела издалека: высокий и статный, одетый с большим вкусом – дорого и элегантно, он сразу притягивал к себе внимание, хотя за столиками было полно других мужчин. Теперь она пошла медленнее – так походка выглядит грациознее. К тому же показывать, что торопишься, не очень пристало: еще решит, что она совсем голову потеряла, а это ни к чему. На протяжении всего их романа она блюла образ обольстительницы и четко следовала его нехитрым канонам.

Влад словно почувствовал ее взгляд спиной и, оглянувшись, расплылся в приветливой улыбке. Приподнялся ей навстречу, поцеловал, отчего тут же заколотилось сердце, и отодвинул стул, помогая сесть.

– Недолго ждал? Такие пробки!.. – Алла кокетливо поправила прическу.

– Все понимаю, не переживай, – отмахнулся он. – Выпьешь что-нибудь? Коктейль или шампанское?

– Милый, я за рулем, – напомним она, стрельнув глазками. – Не хочешь же ты, чтобы твои коллеги арестовали меня за вождение в нетрезвом состоянии?

Влад усмехнулся:

– Аллочка, какие коллеги? Ты разве не знаешь, что я работаю не в ГИБДД, а совсем в другом подразделении?

- А! - Она изящно махнула рукой с только что сделанным французским маникюром. - Я в этом не разбираюсь. Для меня милиция - она и есть милиция.

Он засмеялся, поймал ее руку на лету, поцеловал. Потом взял в ладонь и вторую руку, посмотрел на часики.

- Понравились? Я очень рад.

- Ну конечно, понравились... Как такое может не понравиться?

- А как отреагировал муж? - В голосе Влада слышались нотки злорадства.

- Ворчал, конечно. Я сказала, что сама их купила.

- А молоток ты, Алка. Помнишь, как в том анекдоте? В первый раз женщина приходит в магазин с любовником, второй раз с мужем, каждый ей покупает то же самое, что и другой. А на третий раз она приходит одна и возвращает одну из покупок.

Шутка неприятно задела самолюбие Аллы, но она постаралась отогнать неприятные мысли прочь - не хватало еще выглядеть в глазах Влада скандальной - и заметила беззаботным тоном:

- А что мне-то? Ты же знаешь Илью. Ему на все наплевать...

В ответ Влад сжал ее пальцы:

- Зато мне на тебя не наплевать... Ты не представляешь, как я соскучился.

- И как же? - игриво спросила она.

- Пойдем - покажу...

Через пару часов она томно лежала в номере на смятых простынях, задумчиво смотрела в окно и лениво, вполуха, прислушивалась к шуму льющейся воды, доносящемуся из душа.

Скажи ей еще год назад, что все будет вот так, она бы рассмеялась в ответ. Все произошло так стремительно и неожиданно... Впрочем, если оглянуться назад, вся ее жизнь состояла из неожиданностей. Чего стоит хотя бы брак с Ильей... Или появление Максима. Или то, что она открыла свои бутики? Последнее вышло вообще совершенно случайно – они отдыхали во Франции, бродили с папой и Максом по Парижу, и Алла, любуясь витринами, вдруг ляпнула, что тоже хотела бы иметь свой магазин. А отец вдруг принял ее слова всерьез, обещал подумать... – и вот результат. Сейчас у нее уже три бутика – целая сеть под названием «Haute couture», торгующая одеждой только самых известных фирм. Правда, покупателей у Аллы пока немного – не по карману серой массе соотечественников хорошие вещи, да и вкус у жителей постсоветского пространства не развит, они предпочитают одеваться на рынках – но надежды она не теряет. Надежды не столько на то, что благосостояние россиян повысится, сколько на то, что когда-нибудь сбудется ее заветная мечта – жить за границей. Лучше всего в Центральной Европе, ну, в крайнем случае в Северной Америке. Алла грезилась об этом с самого детства, с тех пор как папа, работник Министерства внешней торговли, свозил ее, шестилетнюю, в Италию. Разительная непохожесть бедного, чтобы не сказать – нищего, отечества и процветающей капстраны сразила Аллочку наповал. Взрослые никак не могли объяснить ей, почему она должна жить в серой пасмурной Москве с ее хмурыми людьми и вечными очередями за всем необходимым, а не в солнечной Италии, среди жизнерадостных улыбок и множества замечательных вещей. Как она плакала, когда садилась в самолет, чтобы лететь обратно! Алла до сих пор это помнит.

Со временем она, конечно, повзрослела и смирилась с обстоятельствами, но желание переехать в другую страну не пропало, а только усилилось. Однако мечта до сих пор оставалась мечтой, именно поэтому Алла так злилась на Илью, упорно не желающего перебираться за границу. Скорее всего, именно тут и был корень их семейных проблем. Хотя и не только тут, конечно. На самом деле они давно поняли, что не подходят друг другу. Наверное, это случилось уже вскоре после рождения Максима. Сначала Алла терпела, потом начала потихоньку погуливать – так, от скуки, просто чтобы разнообразить свою жизнь. Однако раньше не случалось ничего похожего на ту бурю чувств, которая захлестнула ее сейчас. Она флиртвала хладнокровно и расчетливо, будучи уверена, что уже никогда не сможет влюбиться. И вдруг...

Все началось с презентации. Весной, в конце апреля, праздновалось открытие ее нового, третьего по счету, бутика. Алла никогда не экономила на своих банкетах, понимая, что чем больше народу их посетит, чем лучше напишут о

тусовке в прессе, тем больше людей узнает о ее «Haute couture» и заглянет туда. Главная ставка, конечно, делалась не на «серую массу», а на людей известных – звезд, бизнесменов, политиков. Алла активно зазывала их к себе в гости, рассылая всем, кому только можно, пригласительные билеты. Была уверена: хоть кто-нибудь да придет.

Действительно, кое-кто из знаменитостей принял ее приглашение. Но основную часть публики, как обычно, составила всякая шушера – все эти тусовщики, мелкие журналисты, девицы, мечтающие найти богатого спонсора, и прочие зеваки, которые всегда наводняют любую светскую вечеринку. Впрочем, обычно Алла, как хорошая хозяйка, уделяла немного внимания и им – так, на всякий случай. Но в тот раз ее едва хватило на именитых гостей – и причиной стал он, Влад. Следуя неписаным светским правилам, он пришел не с женой, а с плоскогрудой, крашенной под блондинку моделькой. Возможно, именно ее повышенное внимание к Владу, нежные взгляды, которые лже-блондинка то и дело бросала на него, то, как она висела на нем, не отпуская от себя ни на шаг, и подстегнули Аллу. Сначала-то она просто наблюдала за ним со стороны, отмечая про себя, как отлично он выглядит, как стильно одет и как хорошо держится. А потом, увидев, как Влад, придвинувшись к девице поближе и что-то отвечая, приобнял ее за талию, Алла вдруг почувствовала жгучий укол ревности. «Ну все, хватит! – решила она. – Пора спровадить эту соску куда подальше!»

Зажав в руке бокал с шампанским, Алла кошачьей походкой приблизилась к ним.

– Можно украсть чуточку внимания дорогого гостя? – проворковала она, вроде как обращаясь к модельке, но не сводя глаз с Влада.

Девушка не нашлась что сказать, только замекала. Соперница из нее была никудышная – слишком молода и неопытна. По ней издали видно, что, кроме денег, ей от мужика ничего не нужно и, самое главное, что, кроме костлявого тела, ей совершенно нечего ему предложить.

– Конечно! Сама хозяйка вечера соизволила подойти ко мне? – улыбнулся Влад и отвернулся от девушки, которая упорно не желала понять, в чем дело. Встала как вкопанная и молча ждала, пока они поговорят.

Девчонка надеялась, конечно, зря. Подхватив Влада под руку, Алла увела его прочь. Как там говорится в пословице? Если гора не идет к Магомету, то

Магомет идет к горе? Ну а тут все с точностью до наоборот. Если третий лишний не уходит, то мы сами уйдем от третьего лишнего.

С той самой минуты Влад принадлежал только ей, хозяйке банкета. До окончания вечеринки они проболтали друг с другом, попивая шампанское и закусывая канапе. Впервые она пустила свое мероприятие на самотек, предоставляя всему идти своим чередом.

Уехали они тоже вместе. Ильи на презентации не было – он терпеть не мог тусовки и никогда на них не ходил. Алла, как само собой разумеющееся, приняла приглашение Влада продолжить вечер в ресторане. Покачиваясь в медленном танце, чувствуя его горячую руку на своей талии, прикасаясь щекой к его шершавому подбородку, она прислушивалась к собственным чувствам и недоумевала, почему ЭТО случилось с ней только сейчас. Как могла она столько лет жить без любви, без этого замечательного, лучшего в мире мужчины?.. Наверное, все эти годы она просто спала. И только сегодня проснулась.

Потом они очутились в гостиничном номере. Что это был за отель, как они туда попали, на какой машине приехали и как зарегистрировались, Алла не помнила. Зато врезалось в память то, что произошло потом. Без всякого преувеличения, она призналась себе, что Влад оказался лучшим из ее любовников – а ей было с чем, точнее, с кем сравнить.

С того дня все у них закрутилось, завертелось... И до сих пор, хотя прошло уже полгода, страсть не утихла. Во всяком случае, с ее стороны. А эти свидания, подарки, романтические встречи в отеле, где за ними был закреплен постоянный номер, только подогревали чувства. Честно сказать, Алле даже и не хотелось перевести их отношения в обычное русло и превратиться из любовников в супругов. Тем более что это все равно невозможно. Влад говорит, что сотруднику органов развод может подпортить карьеру – карьеру, которую он так блестяще начал. В его годы – и уже полковник, это не шутка. Так что о его разводе не может быть и речи. Ну и ей, признаться, тоже неохота разводиться с Ильей. Ссориться, выяснять отношения, судиться, делить квартиру, которая изначально принадлежала Илье, но которую Алла так хорошо отделала и обставила в соответствии со своим вкусом, – все это так муторно... Нет уж, пусть лучше все идет, как идет. Илья, видимо, тоже не хотел расставаться с ней, хотя Алле иногда казалось, что он обо всем догадывается. Это было заметно по каким-то мелочам, например по презрительному взгляду, которым он ее достаивал, когда она возвращалась домой. Илья ничего не говорил, но

последнее время вел себя еще более безразлично, еще более холодно. Иногда ей даже хотелось, чтобы он кричал, орал, чтобы бил кулаками в стену, устроил ей, наконец, грандиозный скандал. Но он молчал. Разумеется, из-за лени, из-за чего же еще. Из-за лени и равнодушия. Его интересует только искусство, только эти проклятые картины. Больше его ничего не волнует, даже собственная жена...

Шум воды в ванной стих, и Алла грациозно раскинулась на кровати, сексапильно выставив стройную загорелую ножку из-под шелковой простыни. Пусть она не так уж молода, пусть ей тридцать восемь, пусть у нее взрослый сын, но тело у нее упругое и ухоженное, такое не стыдно продемонстрировать любовнику. Который, как это видно сейчас, когда на нем одно только полотенце, обернутое вокруг бедер, тоже в очень хорошей форме. Свежий и бодрый, с капельками воды на волосах, он выглядел очень привлекательно, она прямо-таки залюбовалась им и потянулась ему навстречу, чтобы поцеловать.

В этот момент в сумочке снова запиликал телефон. Алла хотела проигнорировать звонок, но Влад сказал:

– Возьми, мало ли что... Он уже третий раз звонит, вдруг что-то важное.

И сам подал ей сумочку, избавив ее от необходимости вставать с широченной кровати.

– Алла, привет! – раздалось в трубке. – С тобой все в порядке? А то я звоню, звоню, а ты не подходишь...

– Сыночек! – громко сказала Алла, чтобы дать понять Владу, кто ей звонит. – Со мной все хорошо, просто я не слышала звонка. Как твои дела?

– Все нормально, только... Слушай, можешь мне немного денег подкинуть?

– А сколько тебе нужно?

– Ну, баксов сто. Или лучше двести.

– Двести долларов... – Она вопросительно взглянула на Влада, тот кивнул – мол, все в порядке, не вопрос. – Да, могу. До вечера это терпит?

– А можно сейчас? Ты сейчас где?

– Я в центре. Если так нужно, могу через полчаса быть в нашем кафе на Петровке.

– Отлично! Ты у меня лучшая в мире! Уже вылетаю.

– Через полчаса, – сказала она любовнику после того, как нажала кнопку отбоя.

– Балуешь ты его, – беззлобно заметил Влад, доставая из кармана пиджака бумажник и протягивая ей две купюры. Алла взяла их и чуть виновато улыбнулась:

– Да, наверное, ты прав – балую. Но что делать? Ты же знаешь, я не очень хорошо воспитывала Максима, все время была занята... Им в основном занимался Илья. А теперь, когда Макс вырос, все изменилось, он отдалился от отца и сблизился со мной... Впрочем, что я грузу тебя нашими семейными проблемами, они тебе на фиг не нужны.

– Не в том дело, – отвечал он, уже успевший полностью одеться, пока она говорила по телефону. – Мне надо бежать, да и тебе тоже – иначе опоздаешь на встречу с сыном.

Расстались они на улице – Влад сел в свою машину, а Алла пошла пешком, кафе было в двух шагах от отеля. Напоследок она потерлась щекой об его шею – пусть пахнет ее духами и вспоминает о ней.

Максим опаздывал. Алла успела дойти до кафе, усесться за столик, заказать кофе и клубнику, а его все не было. Поджидая, она невольно задумалась о своих отношениях с сыном и пришла к выводу, что им друг с другом повезло. Оба они ощущали себя не представителями разных поколений, а скорее приятелями.

Наконец появился и Максим, но не один, а в компании очень красивого темноволосого парня, по виду его ровесника.

- Это Гоча, Георгий, - представил Макс. - А это Алла, моя мама.

- Да ладно, хорош прикалываться, - ухмыльнулся Георгий.

- В смысле?

- Ты думаешь, я идиот? Поверю, что такая молодая девушка может быть твоей мамой? - отвечал Георгий.

Если он и притворился, то весьма убедительно, и Алла довольно улыбнулась.

Она отдала сыну деньги, и Георгий почти тут же поспешил откланяться, чтобы «не мешать им». Алла, конечно, поняла, что Макс попросил у нее доллары для друга, но ей это было безразлично. Сын у нее уже взрослый, и это его дело, как он распоряжается деньгами.

- Красивый мальчик, - заметила она, когда Максим проводил приятеля и вернулся за столик.

- И ты туда же, - с досадой пробормотал он.

- Нет, ну правда! И знаешь, вы с ним чем-то похожи.

- Знаю, - отмахнулся Макс. - Много раз об этом слышал. Ты уже заказала себе что-нибудь?

- Да, вот несут мой кофе, - Алла поблагодарила официантку еле заметным кивком. - А ты что будешь?

- Я бы поел как следует. А то дело к вечеру, а я еще не обедал.

- Бедненький, совсем заучился... Конечно, закажи себе что-нибудь покушать. Кстати, сегодня Антонина должна приготовить на ужин твою любимую свинину по-царски.

- Это здорово, - отвечал Макс, изучая меню, - но домой я сегодня попаду очень поздно. Если вообще попаду сегодня. Может быть, что и завтра.

- Так, это уже интересно, - оживилась Алла. - А ну-ка рассказывай, не темни! Что там у тебя? Очередная девушка?

- Ну вроде того... Только она не очередная. Она особенная, понимаешь? Не такая, как другие.

Алла глядела во все глаза.

- С ума сойти! У тебя появилась постоянная девушка, а я ничего не знаю! И давно вы вместе?

- С весны, - охотно отвечал Максим, видимо, ему было приятно поговорить о своей избраннице. - То есть с лета. Мы познакомились в апреле, а встречаться стали в июле.

- Но как же так вышло, что я до сих пор ничего не знаю? - с шутливой укоризной продолжала расспросы Алла.

Макс замялся.

- Ну-у... Сначала рассказывать было особенно нечего. А потом, когда мы начали встречаться, тебя уже не было в Москве. Вспомни, сколько ты моталась - то на Майорке отдыхала, то на модные показы ездила...

Алла действительно вспомнила об этих своих поездках, в которых ее сопровождал Влад, и глаза ее затуманились.

- А где вы познакомились? - спросила она, вернувшись с небес на землю.

Ответ сына ее ошеломил:

- Да у тебя на презентации, весной. Помнишь, ты замутила тусню, когда открыла новый бутик? Там мы и встретились.

- Не может быть! Надо же, какое совпадение... - пробормотала Алла.

Сын поднял на нее взгляд:

- Ты о чем?

- Да так... Ни о чем. - Она чуть смутилась и быстро вернула разговор в прежнее русло. - И кто же она? Как ее зовут? Сколько ей лет?

- Зовут Лена. Елена Горохова. Ей двадцать пять.

- Двадцать пять? - Безупречные брови Аллы изумленно взметнулись вверх. - То есть она старше тебя на шесть лет?!

- Ну и что? - с вызовом парировал Макс.

- А чем она занимается? Где живет? Кто родители? - расспрашивала Алла, водя рукой по скатерти и рассматривая свой маникюр. По верху каждого ногтя, отделяя розовую часть от белой, шла полукруглая серебряная полоска. «В этот раз дизайн ногтей не очень удачен, на мизинце и среднем пальце вышло так себе», - подумала она, поморщившись.

- Лена учится в ГИТИСе. Кто ее родители, я не знаю. Живет в общежитии, приехала откуда-то с Урала, то ли из Екатеринбурга, то ли из Челябинска. А может, из Магнитогорска. Я не помню, - по тону Макса было ясно, что он уже понял, куда клонится разговор, и сам был не рад тому, что его затеял.

- ГИТИС - это нормально, но провинциалка... - Алла презрительно наморщила носик. - На каком она хоть факультете-то?

- На актерском.

- И что? У вас все серьезно?

Он уловил в ее голосе озабоченность и демонстративно рассмеялся:

– Да не волнуйся ты так! Жениться и прописывать ее в нашу квартиру я не собираюсь. Ты же знаешь, мне всего девятнадцать. Я еще непозволительно молод для серьезных отношений.

Алла на миг задумалась, потом пристально посмотрела на сына и тоже улыбнулась:

– Ну и слава богу. Только очень прошу тебя, будь аккуратнее, не вляпайся в историю! А то знаешь, как это бывает...

– Да знаю я, знаю, – заверил ее сын. – Ты уж за лоха-то меня не держи, ладно?

* * *

Сегодня ему почему-то особенно не работалось. Усмехнувшись, Илья подумал, что в его творческом кризисе уже выработалась целая градация состояний – от «просто не работается» через «не работается вообще» к «не работается особенно». Последний вариант был самой тяжелой формой. Вроде бы все обстоятельства сложились в его пользу – дома никого, сын в университете, Алла уехала по своим делам, соседка, помогающая Алле по дому, придет только к вечеру готовить ужин. Никто не отвлекает, за окном солнечно, в студии прекрасное освещение... А вот поди ж ты – не получалось вообще ничего. Ни один мазок не ложился как надо. И так уже который день... Над несложной, в общем-то, по задумке работой он безуспешно бился вот уже второй месяц.

После нескольких бесплодных попыток Илья наконец отложил кисть. На сегодня пора заканчивать. Он знал по многолетнему опыту: можно, конечно, заставлять себя, насиловать, вымучивая хоть что-то, хоть мизерный результат, но ни к чему хорошему это все равно не приведет. День будет потерян зря. Он проторчит до вечера в студии, ничего так и не сделает, ляжет в постель расстроенный, подавленный, с чувством разочарования в себе и всю ночь будет ворочаться без сна, увязая в печальных мыслях. Утром встанет весь разбитый – и все начнется сначала. Замкнутый круг. Именно так, кстати, и называлась картина, над которой он работал. Задумывая ее, Илья мечтал выплеснуть на холст все свои переживания, все гнетущее состояние обреченности и безнадежности, которое так преданно сопровождало его последнее время, не отпуская ни на шаг. Но работа не шла и облегчения не приносила. «Замкнутый круг». Замкнутый круг... По сути, странно как-то звучит, нелепо и парадоксально. Разве круг может быть

незамкнутым? Тогда это уже не круг, а иная геометрическая фигура. Может быть, автор выражения имел в виду не круг, а окружность? Но окружность всегда тоже замкнута, иначе она будет не окружностью, а кривой линией... Господи, и что за ерунда лезет в голову!

Окончательно решив поставить на сегодняшней работе крест – «крест в замкнутом круге», как сформулировал это для себя Илья, – он тщательно вымыл и вытер кисти, убрал краски, прикрыл тряпкой незаконченное полотно. Илья никогда не понимал тех своих коллег, которые оставляли рабочее место в состоянии полного бардака, гордо именуя это творческим беспорядком. Сам он любил чистоту и терпеть не мог, когда вещи лежали неаккуратно и не на своих местах. Алла утверждала, что страсть ее мужа к порядку объясняется тем, что он Дева по гороскопу. Но сам Илья знал, что гороскопы тут ни при чем. Подобное отношение к окружающей обстановке, в особенности к собственной рабочей территории, было у него с детства, и помогла его выработать бабушка. Когда встал вопрос о том, чтобы отдать комнату на втором этаже Илюше под студию, она поставила условие – только в том случае, если он сам будет поддерживать там порядок и чистоту. И он ни разу не нарушил правила договора. Не нарушал их и теперь, когда ни бабушки, ни деда, ни мамы уже не было на свете.

По советским меркам родовое гнездо Емельяновых считалось огромным, а главное – уникальным. Это сейчас, когда многие уже стали нормально зарабатывать и иметь возможность разнообразно обустроить свое жилье, двухэтажные квартиры не редкость. А тогда они были чем-то особенным, из ряда вон выходящим. Почти все, кто приходил к Емельяновым в гости, удивлялись – с ума сойти, у вас второй этаж есть! Маленький Илюша этим очень гордился. В их районе, на Басманной (тогда улице Маркса) просто большими квартирами было никого не удивить – исторический центр, дома в основном старые, новостроек, с социалистическим стандартом – двенадцать метров общей площади на человека – немного, хрущевки, где даже в комнатах тесно, а в кухне и вовсе не повернуться, практически нет. Так что количество комнат в квартире Емельяновых – их тогда было пять – приятелей Илюши не удивляло. А вот то, что в одну из них, просторную и светлую, хоть и с низким, всего два двадцать, потолком, нужно подниматься по лестнице – это совсем другое дело.

При бабушке верхняя комната была приспособлена для хозяйственных целей, служила чем-то вроде кладовки. Потом превратилась в его студию и пребывала в этой роли без малого тридцать лет. А затем ей добавилась еще одна функция – она стала еще и его спальней. Раньше Илья приходил сюда спать на старом

диване-книжке только в исключительных случаях, когда болел гриппом, например, и не хотел заразить Аллу. Потом стал оставаться тут все чаще. А в последнее время окончательно перебрался из спальни в студию. Здесь можно было открывать окно и всю ночь спать, дыша свежим воздухом, и утром не слушать претензий жены о том, что она «вся окоченела и глаз не могла сомкнуть от холода». Здесь не было махровых простыней, на которых он чувствовал себя неуютно, и обилия розового цвета, который его так раздражал. Здесь – что греха таить! – не было Аллы, контактировать с которой ему иногда совершенно не хотелось...

Студия была его царством, его территорией, его миром, куда не допускались посторонние. Когда несколько лет назад Алла затеяла грандиозный ремонт и кардинально переделала все в квартире, Илья ни в чем ей не возражал, но на второй этаж не допустил. И тут все осталось, как было и десять, и двадцать лет назад. Разве что картин прибавилось. И конечно, изменился их стиль. В юности и в студенческие годы Илья работал в классической манере, потом стал пробовать другие приемы, искал себя... И нашел. Пусть его имя не гремит, у него нет собственной галереи и пока не было персональных выставок, а восторженные почитатели его таланта не рвут на аукционах друг у друга из рук его работы, но владелец швейцарского арт-салона купил целых три его картины за весьма приличную сумму, а это о многом говорит. Беседуя с Ильей, он недвусмысленно намекнул, что, если бы такой художник жил в Европе, его путь к успеху оказался бы куда короче. Однако Илья и мысли об эмиграции не мог допустить. Он нисколько не осуждал тех, кто уезжает, считая, что выбор места жительства – личное дело каждого. Но он, Илья Емельянов – русский человек и русский художник, и хочет жить только здесь, в России.

Едва он положил на место последнюю чистую кисточку, как внизу раздался звонок. «Наверное, Марина», – подумал Илья, торопливо спускаясь вниз. Его агент, или директор, или, как ей больше нравилось себя называть, импресарио, должна была приехать вечером, чтобы обсудить что-то важное. Но оказалась не Марина, и вообще звонили не в дверь, а по телефону. Илья не сразу это понял (так уж он был устроен: увлекшись работой или своими мыслями, мог запросто перепутать звонки), а поняв, отправился по квартире в поисках телефонной трубки. Ни Алла, ни Максим почему-то никогда не возвращали трубку на базу, а, поговорив, просто бросали ее где попало. Илью эта манера очень нервировала, тем более что лишенная подзарядки трубка быстро «садилась» и в самый неподходящий момент важного разговора принималась противно пищать, сообщая, что вот-вот «сдохнет».

Телефон обнаружился в гостиной на журнальном столике, Илья нажал кнопку уже в последний момент, после девятого или десятого звонка.

– Привет, старик! – услышал он. – А я уже хотел отбой давать, думал, вас никого дома нет. Наверное, оторвал тебя от работы? Прости засранца.

– Нет, что ты, Славка, – торопливо заверил художник. – Ты мне нисколько не помешал. Я просто телефон найти не мог.

Славка Буковский был его лучшим другом, даже больше, чем другом. Так уж получилось, что вырос Илья практически без мужского воспитания. Дед его, занимавший довольно крупные посты и бывший одно время даже заместителем министра, что называется, «сгорал на работе» и умер от очередного инфаркта, когда внуку было всего шесть лет. А отца Илья никогда даже не видел. Мама Илюши, Зиночка, была очень хорошенькой девушкой, модницей и хохотушкой. Кавалеры утверждали, что она похожа на Брижит Бардо, и ходили за ней толпами. А еще Зиночка была максималисткой, весьма обидчивой и не в меру принципиальной. И когда ее муж всего-то через три месяца после свадьбы неудачно пошутил с беременной женой – мол, при таком количестве поклонников вокруг нее он не может быть уверен, его ли это ребенок, – как Зиночка тут же выставила его за порог папиной квартиры, заявила, что больше никогда не захочет его видеть, и клятвы своей не нарушила. Верность данному слову была семейной чертой Емельяновых.

Илья рос с мамой и бабушкой. И оттого особенно привязан был к соседу из квартиры напротив – Славе Буковскому. Тот был старше на восемь лет и относился к Илюхе как к младшему брату. Для мальчика же он был и старшим другом, и в какой-то мере даже заменой отсутствующего отца. Славка никогда не шпынял его, не унижал, не говорил обидных вещей в духе: «Ты еще мал, не поймешь!», а всегда объяснял, помогал, заступался, если нужно, – Илья в детстве был трусоват и дать отпор обидчикам не умел, не хватало ни сил, ни смелости.

Свою дружбу они пронесли сквозь годы и сами не заметили, когда стали общаться уже на равных. К тому моменту, когда Славка отслужил в армии, окончил МГУ и переехал в другой район, разменяв с сестрой родительскую квартиру, они уже не чувствовали разницы в возрасте. Да, Слава старше, опытнее, лучше разбирается в жизни и в людях. Но Илья так много знал об искусстве, культуре, истории и многих других вещах, что чаще даже старший из

друзей, а не наоборот обращался к младшему за советом, например с просьбой объяснить, что означает то или иное новое слово, появившееся в последнее время в русском языке.

Наверное, со стороны нелегко было бы понять, что связывает и держит вместе этих двух совершенно разных людей. Один – художник, влюбленный в искусство, быть может, несколько «не от мира сего»; второй – офицер «на государевой службе», как он сам говорил, здоровый карьерист, отличный организатор, волевой, сильный. И при этом – душа любой компании, шутник, красавец, большой любитель и любимец женщин. Вроде бы диаметрально противоположные личности. А вот поди ж ты...

Последние годы они редко виделись, да и созванивались не так уж часто – оба заняты, дела, семья, работа. Но Илья по-прежнему очень дорожил этой дружбой. Он вообще был человеком не слишком общительным, трудно сходился с людьми, а привязавшись к кому-то, прирастал всем сердцем, всем существом. Не то что Алка – та могла, едва познакомившись на очередной тусовке с какой-нибудь дамочкой, тут же записать ее в лучшие подружки, проводить с ней сутки напролет, а через неделю рассориться и, повозмущавшись денек тем, какая та нехорошая, напрочь забыть о ее существовании.

Только благодаря Алле его круг общения оставался достаточно широким. В их доме часто бывали люди, устраивались какие-то приемы – жена настаивала на том, чтобы он поддерживал знакомство с бывшими однокашниками. Спецшкола, которую окончил Илья, в свое время считалась элитной, многие ее выпускники вышли в люди и стали крупными специалистами, возглавляли свой бизнес или занимали видные посты. Саша Глазков, с которым Илья в пятом и шестом классе сидел за одной партой, даже стал депутатом Думы. Бывшим сокурсникам по Строгановке в целом повезло чуть меньше: лишь немногие из них стали известными и пробились наверх, остальные держались как-то так, ни шатко ни валко, а большинство вообще сошли с дистанции, спились или и того хуже... С теми, кто остался, Илья продолжал общаться, но по-настоящему, всей душой, был привязан только к Марине. А из друзей детства – только к Славе Буковскому. К счастью, Славка, занимавший высокий пост, никогда не думал, что Илья дружит с ним из корыстных соображений. За столько лет они уже стали очень близкими людьми, почти родными, понимали друг друга с полуслова, и общение им никогда не надоедало. Вот и сейчас они протрепались почти полчаса – так, о всякой ерунде, – и прервались только потому, что раздался звонок домофона.

– Маринка пришла, – сказал Илья другу.

– А! – Даже по телефону было понятно, что Слава усмехнулся. – Ну, привет нашей бизнес-леди.

– Зря ты ее не любишь, старик, – привычно отвечал Илья. – Она хорошая.

– Ладно, ладно, не начинай. Все это уже сто раз сказано... Иди открывай. Нехорошо заставлять даму ждать. Пока, услышимся!

И в трубке раздались гудки. Поставив ее на базу, Илья поспешил к двери.

Марина, как всегда, влетела, точно вихрь. Не успел он щелкнуть замком, как она, буквально на лету сбросив плащ и цокая каблуками по паркету, уже была в комнате, а затем и в кухне.

– Пить хочу, умираю...

Не спрашивая разрешения, вынула из сушилки чашку, налила воды из фильтра, осушила ее несколькими жадными глотками, вытерла губы тыльной стороной кисти. Будучи частым гостем у Емельяновых, Марина вела себя здесь, как дома, и все давно к этому привыкли.

Напившись, Марина поставила чашку в мойку и решительно направилась в гостиную. Илья последовал за ней.

– Ну вот что, дорогой мой Емельянов, – начала она, усаживаясь на диване и вытягивая ноги, – скажу без ложной скромности: тебе со мной очень повезло.

– Да я никогда в этом и не сомневался, – улыбнулся Илья.

Он и правда так думал. Невозможно было даже представить себе, как бы он существовал без Маринки. С ней он обсуждал замыслы своих картин, с ней советовался в трудные моменты, ей первой показывал готовые работы. Именно Марине, даже чаще, чем Славке, он звонил, когда тяжело было на душе и казалось необходимым поговорить с близким человеком, а то и просто выплакаться. И при этом она еще и помогала ему в работе. Именно Марина,

когда они еще были студентами пятого курса, пристроила в художественный салон его картину – и ее почти тут же купили, аж за сто рублей. Смешно вспомнить, что они тогда с Маринкой о себе возомнили, как развесили уши, воображая, что вот-вот, буквально завтра, Илья Емельянов станет знаменитостью и они разбогатеют... Конечно, тот первый успех был случайностью, не больше. Следующую работу им удалось продать только через несколько лет, Илья к тому времени уже был женат и растил Максимку. Как раз началась перестройка, многие художники продавали свои картины на Вернисаже, на Арбате, на Крымской набережной. Илья совсем было собрался примкнуть к ним, но Марина решительно его отговорила.

«И думать не смей, Емельянов! – заявила она. – Это – болото, зыбучие пески, смерть для творческого человека. Настоящие знатоки искусства картины на улице не покупают, а рисовать китч и дешевку на потребу публике – это унижительно. Ты же не собираешься разменивать свой талант на медные пятаки, Емельянов!»

И он послушался, хотя потом неоднократно жалел об этом. Особенно в то время, когда началась инфляция и его зарплаты реставратора перестало хватать даже на кисти и краски. Те годы вообще были тяжелыми. Алка, не привыкшая к трудностям, то и дело закатывала скандалы. Хорошо, что тесть быстро сориентировался, открыл свое дело и поправил материальное положение семьи. Все опять наладилось, у Аллы снова появились деликатесы и заграничные тряпки, к тому же они стали всей семьей выезжать за границу. Там от обилия новых впечатлений на Илью буквально нахлынуло вдохновение. Пока остальное семейство бродило по магазинам, он рисовал и, на удивление, быстро создал те три картины, которые потом и купил с подачи какого-то знакомого тестя владелец арт-галереи. Это были единственные работы Емельянова, проданные не Мариной (чего она ему до сих пор не могла простить). Всех остальных покупателей находила она. Подобное случалось не так часто, но все-таки благодаря ей Илья мог спокойно существовать, не чувствуя, что сидит на шее у Аллы. Хотя, конечно, зарабатывал он немного, приходилось экономить на всем, даже на красках. Вот и сейчас ему уже давно пора было бы обновить свои запасы, но в бумажнике только что ветер не гулял. И это было большой проблемой для Ильи – большей, чем он сам себе мог признать. Любому мужчине неприятно, когда жена зарабатывает больше его. А если она еще тычет ему этим в лицо, покупая тряпки и побрякушки и каждый раз подчеркивая, что его денег не хватит ни на что подобное, – это неприятно вдвойне. Так что добрая весть, которую, как кажется, принесла Марина, может оказаться весьма кстати.

– Ну, говори, не томи! – поторопил он подругу. – Что там у тебя?

– А то, что я нашла тебе жирненького покупателя! – Она вся сияла, весьма довольная собой. – Слушай меня внимательно и запоминай. Покажешь ему «Камиллу» и «Осенний пейзаж», я с ним о них договорилась. А заодно еще пару-тройку, скажем, «Пиковую даму», «Подснежник»... и вон ту, с ладошкой...

Илья нахмурился:

– Марин, ты что говоришь? Ты же знаешь, я «Ладоску» даже не выставляю. Она для меня как талисман. Я ни за что ее не продам!

– Да кто тебя просит продавать ее? – напирала Марина. – Ты просто покажешь, какое разнообразное у тебя творчество. Так, чтобы себя зарекомендовать...

– Ладно, – не слишком охотно согласился Илья. – Просто показать могу. Когда он приедет?

Марина вдруг замолчала.

– Илюш, он не приедет, – проговорила она после паузы. – Он хочет, чтобы ты сам приехал к нему с картинами.

– Я?!

– Ты. Ну, то есть мы, – затараторила Марина. – Я с тобой тоже поеду, хотя у меня и дел невпроворот. Но ты же переговоры вести вообще не умеешь, обязательно накосячишь, а мне потом разгребать... Этот Агафонов, покупатель, такой вреднючий, еще, глядишь, потом вообще со мной работать откажется...

– Марин, а с какой стати мы должны ехать к нему и везти картины? – недоумевал Илья. – Это же не марки и не спичечные коробки, их перевозить целая история... Он что, стар или болен, твой Агафонов, не может выбраться из дома?

– Не заводись, Илюш. – Марина положила свою тяжелую руку с коротко остриженными ногтями ему на плечо. – У богатых свои причуды. Ему, понимаешь ли, хочется сразу увидеть, как будут смотреться твои картины в интерьере его

дома...

Илья только фыркнул в ответ.

– Но ведь он платит! – продолжала уговаривать Марина. – И платит неплохо. Я тебе потом суммы назову – ахнешь! Думаешь, мне охота ехать к нему? Знаешь, как Виктор недоволен, что я его на выходные одного оставляю?

– А это кто – Виктор? – не понял Илья.

– Кто, кто, дед Пихто! Моя новая пассия, мужичок – во! – Она подняла оба больших пальца.

– Поздравляю... – рассеянно пробормотал Илья. Что-то в их разговоре особенно напрягало его, сидела в сознании какая-то заноза, но он никак не мог понять, в чем же дело. А у Маринки, значит, опять новый кавалер. Надо же, какая она неугомонная... И где она их только берет в таком количестве, чем приманивает? Внешне ведь совсем не такая эффектная, как Алка... Хотя человек незаурядный и энергии ей не занимать. И друг замечательный. Знает, что Илья некомфортно чувствует себя на переговорах, и поедет с ним... Стоп!

– Марин, а почему ты так говоришь об этом визите, будто ехать нужно куда-то далеко? – прервал Илья собственные мысли. – Почему «на выходные»? Он что, не в Москве живет, этот твой Афанасьев?

– Агафонов, – машинально поправила она. – Да, дружок, дом у него не в Москве. В Ситгезе.

– Это... в Крыму, что ли?

– Это в Каталонии, Емельянов! Под Барселоной. Так что придется тебе попридержать свою гордость, подумать о будущем и слетать на уик-энд в солнечную Испанию. Правда, за свой счет.

– Нет, Марина, – решительно сказал он, поднимаясь с дивана. – Это исключено. Уже само по себе то, что покупатель требует приехать с картинами к нему на дом, мне неприятно. А уж лететь к этому типу в Испанию, чтобы он там перед

нами барина корчил, – и вовсе унижительно. Словно я милостыню прошу, а не свои картины предлагаю.

Вместо ответа Марина прищурилась и как-то нехорошо, искоса поглядела на него.

– Илюх, скажи мне... Только честно. Сколько у тебя сейчас денег в кошельке? А в заначке? Молчишь? Вот то-то и оно, Емельянов...

* * *

Она сделала несколько нетвердых шагов, приложила руку к груди, покачнулась и рухнула на стул. Денис поднял голову, увидел, что происходит, и кинулся к ней с криком: «Что такое? Маменька! Маменька, Людмила Герасимовна умирает!» Но она, полулежа на стуле с закрытыми глазами, не слышала его слов...

– Ладно, на этот раз сносно, – слышался откуда-то сбоку, точно из другого мира, высокий мужской голос. – На сегодня достаточно. Все свободны.

Студенты актерского отделения, радостно галдя, поспешили прочь. Лена вышла последней. Сегодня ей не хотелось покидать репетиционный зал, хотя она устала и была сильно расстроена. Роль Людмилы в дипломном спектакле «Поздняя любовь» ей никак не удавалась, режиссер сегодня постоянно делал ей замечания, несколько раз – в довольно резкой форме. Лена молчала, опускала глаза, но не обижалась, чувствовала, что все его придирки заслуженны и справедливы. В такие минуты она ненавидела себя, в душу закрадывалась неуверенность. Вроде бы она давно уже не «первокурска»... Уже нет того душевного трепета, с которым Лена первое время бродила по академии, постоянно думая о том, что ее кумиры когда-то тоже ходили этими коридорами, обедали в этой столовой, пользовались этими же учебниками, что и она теперь, жили в той же общаге. Нет неистового восторга, с которым воспринимались все занятия, даже лекции и репетиции. Нет благоговения перед преподавателями, которых она считала практически небожителями, – ведь даже те из них, кто не был известным актером или режиссером, все равно принадлежали к этому удивительному волшебному миру. Теперь, когда выпуск на носу, эмоции уже притупились, а вот комплексы, неуверенность в своих профессиональных возможностях остались. В душу заползло сомнение. А вдруг мама была права, и никакая она, Лена Горохова, не актриса, а бездарность и обычный обыватель? И

нечего ей было лезть в Москву, надо было остаться дома, на окраине Магнитогорска, выйти замуж за Сашку Макарова, нарожать ему детишек, варить борщи, стирать на все семейство трусы и носки и к тридцати годам постареть, превратившись в грубую, толстую, отупевшую и уставшую от жизни тетку. А потом Сашка побежал бы к продавщице из продуктового, а она – жаловаться на жизнь таким же рано увядшим и расплывшимся соседкам... От одной только мысли об этом Лену передергивало. Нет, такой судьбы ей точно не надо!

А ведь так, скорее всего, ее судьба и сложилась бы, если бы в одиннадцать лет не произошло событие, которое перевернуло всю ее дальнейшую жизнь: она посмотрела по телевизору фильм «Карнавал». История провинциальной девушки, мечтавшей стать артисткой, произвела на нее столь сильное впечатление, что Лена сказала себе: «Это обо мне! Я тоже буду заниматься в драмкружке, тоже поеду в Москву поступать в театральный институт, тоже преодолею все трудности. Но только, в отличие от героини фильма – Нины Соломатиной, добьюсь своего. И обязательно стану актрисой!»

И сразу отправилась записываться в драмкружок. Где вскоре поняла, что театр – это не только (а точнее, даже не столько) оvationи, цветы, поклонники и прочая красивая жизнь, а тяжелый труд, постоянные репетиции, то есть повторение одного и того же по многу раз – до тех пор, пока не получится действительно хорошо. Но это Лену не испугало и не остановило. Она всегда была настойчива и умела добиваться поставленной цели, чего бы это ни стоило. Мама всю жизнь поминала: «Бывало, ты, маленькая, как упрешься – так ничем тебя не сдвинешь, ни битьем, ни уговорами!»

Тамара Александровна, режиссер драмкружка, полюбила Лену именно за это упорство. После занятий они нередко шли домой вместе, и рассказы наставницы постепенно открывали для девочки новый мир. Она впервые услышала о знаменитых артистах и режиссерах, о разных школах и приемах актерского мастерства, об искусстве сценического движения и сценической речи и о многих других, не менее любопытных вещах. С режиссером Лене очень повезло. Тамара Александровна – миниатюрная, худенькая, эмоциональная и подвижная, как подросток, женщина лет сорока – оказалась не только отличным педагогом, любящим детей и свое дело, но и просто хорошим человеком. Когда Лена стала постарше, Тамара Александровна начала давать ей книги из своей библиотеки – пьесы, литературу о театре, просто хорошие произведения, заставлявшие девочку задумываться о характере героев и о том, как их можно сыграть, учила ее тренировать память, рассуждать, обдумывать прочитанное.

Вскоре Лена открыла для себя, что главная роль – не всегда самая интересная. Что гораздо увлекательнее быть Мачехой, чем Золушкой, Атаманшей разбойников, чем Гердой, и Бабой-ягой, чем Василисой Прекрасной. В характерных ролях, как это называют профессионалы, «есть, что играть». Такой простор для фантазии, для перевоплощения! И чего это все девчонки так хотят играть первые роли, даже ссорятся из-за них? Там же делать нечего. Знай себе ходи по сцене, хлопай глазками да охай-ахай.

Однако, судя все по тому же фильму «Карнавал», одних только занятий в драмкружке было мало. Героиня Ирины Муравьевой отлично пела, а это значило, что и ей, Лене, необходимо обучиться этому искусству. С вокалом все оказалось сложнее, чем с театром. В хоре при Доме пионеров, куда девочка пришла на прослушивание, занятия тоже были три раза в неделю – и, как назло, в те же самые дни, что и в театральной студии. Пришлось выбирать – и Лена выбрала драмкружок, сочтя, что это важнее. «А пению я могу научиться и сама, – решила она. – Ведь в хор меня тоже готовы были принять, сказали, что и слух, и чувство ритма есть – а это самое главное».

Теперь в свободные от занятий в кружке дни она доставала старенький магнитофон «Весна», вставляла чистую, вернее, бывшую когда-то давно чистой кассету, нажимала на кнопку «Запись» и пела, пела, пела... В основном ее репертуар состоял из песен Аллы Пугачевой. С бурей эмоций, с надрывом, со слезами Лена исполняла «Арлекино», «Осенний поцелуй», «Ты на свете есть» и все такое прочее, а потом, перемотав кассету, слушала себя и каждый раз оставалась недовольна. «Паршиво, паршиво!» – ругала она себя и начинала новую запись. И так раз за разом, день за днем.

Однажды мама вернулась домой чуть раньше обычного и случайно услышала пение дочери. «Ты смотри, как у тебя здорово выходит! – похвалила она Лену. – Не Пугачева, конечно, но хорошо, чисто, молодец!» Девочка вся залилась счастливым румянцем. Это был первый и, пожалуй, единственный комплимент от матери в связи с подготовкой Лены к актерскому будущему, да и то по незнанию – тогда ведь девочка еще ни разу вслух не высказала свою мечту стать актрисой, и все, что она делала, родители воспринимали скорее как девичью игру, нежели как что-то серьезное.

К седьмому классу Лена неожиданно сильно поправилась, и это стало катастрофой. Мать утешала, говорила что-то про гормональный сбой, который случается в подростковом возрасте. Но Лена больше грешила на бутерброды и

пирожные, которые она поглощала у телевизора, смотря все фильмы подряд. Сначала любимые юбки и брюки стали тесны, потом она и вовсе перестала в них влезать. А однажды, гуляя по парку, Лена увидела весы, заплатила полтинник, встала на них и ахнула – семьдесят два кило! При ее росте метр шестьдесят восемь это просто караул! С таким весом ее не то что в актрисы, вообще никуда не возьмут! Нужно срочно худеть, и причем не меньше, чем на пятнадцать килограммов. Следующие два года она провела на диете: доводила себя до изнеможения, неделями пила только воду и съедала лишь пару яблок в день, ходила, пошатываясь, на грани обморока и чуть не попала в больницу от истощения. Родители подняли панику, потащили ее к врачам, тетка в белом халате пыталась ей что-то внушить... Но Лена никого не слушала. Она знала только одно – из-за этой ужасной жирности мечта всей ее жизни может пойти прахом. Допустить это никак нельзя!

Справиться с проблемой неожиданно помог Сашка Макаров, парень из их двора, тремя годами старше ее. В детстве он ей прохода не давал, все время норовил задеть: то репейником в нее кинет, то толкнет, то за волосы дернет. Потом лезть вроде бы перестал. Но вскоре его приставания стали еще противнее. Бывало, идет Лена вечером домой после драмкружка, а он стоит или сидит с компанией ребят, курит. Увидев ее, обязательно заорет на весь двор какую-нибудь глупость типа: «Ну че, Ленка, когда целоваться будем?» И все, естественно, ржут. Дурак, одним словом.

И вдруг однажды Сашка появился у школьных ворот с букетом.

– В общем, это... – переминаясь с ноги на ногу, промямлил он, – это тебе! – и протянул ей цветы.

«Розовые розы Светке Соколовой» – тут же фальшиво затянул чей-то ехидный голос за спиной, хотя розы были совсем не розовые, а красные.

Однако на дразнилку Лена не обратила никакого внимания. Она и обрадовалась, и растерялась, и удивилась, и от неожиданности задала совершенно глупый вопрос:

– А почему?

– Ну, это... Ты мне давно нравишься, – пряча глаза, выдавил из себя Сашка. – Красивая ты очень. И глаза у тебя, и фигура...

Не зная, что ответить и как себя вести, Лена прошептала тихое «спасибо» и, зажав в руках розы, поспешила домой. Нет, с Сашкой ничего не сложится, это однозначно, он ей никогда не нравился. Но его слова о фигуре немного озадачили. Уже дома, раздевшись догола, она долгим оценивающим взглядом осматривала свой живот и бедра и решила, что все в порядке. И с диетой, пожалуй, можно завязывать. Главное – постоянно поддерживать себя в форме, чтобы не вернуться к тому, от чего ушла.

С того дня родители облегченно вздохнули – дочь перестала изнурять себя голодовками, хоть и ела очень мало, все больше фрукты и овощи и небольшими порциями, но это все же лучше, чем ничего. По утрам Лена вставала на полчаса раньше, чтобы успеть совершить пробежку, вечером, после всех занятий, делала зарядку и по четверть часа качала пресс.

Чем старше становилась Лена, тем крепче была ее уверенность в принятом решении. Несмотря на то что вокруг не было ни одного человека, который бы ее поддерживал. Даже лучшая подружка Люська, первая в классе отличница, взывала к ее разуму:

– Леноч, ну это просто несерьезно! Кто не мечтал в детстве быть артисткой?! Однако у нормальных людей с возрастом это проходит. Пора и тебе повзрослеть, взяться за ум да начать готовиться к поступлению в какой-нибудь нормальный вуз. А то выпускной на носу, а у тебя какие-то мечты заоблачные!

– У меня не заоблачные мечты, а вполне реальные, – обиделась Лена.

– Да какие ж они реальные? Не смейся. Ты что, не представляешь, какой в театральные конкурсы? Да еще в Москве! Не поступишь ты – только год даром потеряешь.

Светка, приятельница по двору, их с ней еще мамы вместе в колясках катали, напирала на другое:

– Ты лучше о личной жизни подумай! Это ж стыдоба – шестнадцать лет, а еще ни с кем даже не целовалась. Так можно и старой девой остаться... Посмотри – у

всех девчонок парни есть, только ты одна, как дура. Вместо того чтобы в кружок свой бегать да книжки читать, лучше бы закрутила с кем-нибудь. Что ты, хуже всех, что ли? Ничуть не хуже, и парням нравишься, вон Сашка за тобой хвостом ходит...

С родителями вышло еще хуже. Лена до сих пор как страшный сон вспоминала разговор, состоявшийся за два месяца до выпускного, в апреле, в день ее рождения. Был семейный праздник, мама приготовила много всяких вкусностей – ее любимый салат оливье, жареную курицу, конечно же, медовый торт. За столом папа поднял рюмку с домашней наливкой и провозгласил тост за дочь. Сказал, что она у них уже совсем взрослая, заканчивает школу, через год станет совершеннолетней и ей пора решить, какую дорогу выбрать в жизни – пойти ли работать, поступить ли в училище или подать документы в какой-то вуз. Лена поняла, что больше молчать и скрывать уже нельзя. И спокойно ответила, что уже все решила и давно выбрала вуз, в который будет поступать. В театральный, на актерское отделение. В Москве.

Новость произвела ошеломляющий эффект. Папа так и застыл с рюмкой в руках. А мама принялась кричать, что голова у Лены забита всякой чушью и что она губит себя.

– Ну что ты еще придумала? Какая Москва, кому ты там нужна? Только деньги потратишь на билет туда и обратно. А деньги эти, между прочим, матери с отцом знаешь как тяжело достаются?

– Мам, если ты только за это беспокоишься, то напрасно, – парировала дочь. – Деньги на билет у меня есть, я скопила из своих карманных.

– Да не в деньгах дело! – не унималась мама, хотя видно было, что после такого сообщения Лены ей стало несколько легче. – А в том, что ничего у тебя не получится, это ж заранее ясно. Прокатаешься туда-сюда зазря.

– А если не зазря?

– Ну посмотри ты в зеркало, – уверяла мать, – какая ты артистка? Они же все красавицы, а ты обычная девчонка, ни кожи, ни рожи, прости господи! Да таких, как ты, там, в этой Москве, миллион! Кто ты такая? Тебя в этом твоём театральном и на порог не пустят!

– Мама, это мое призвание.

– Да не смей ты меня! Призвание у нее! Блажь это все. Блажь и дурь, вот что я тебе скажу. Выкинь из головы!

Словом, закончился праздник скандалом. Ругались они с матерью вдвоем, отец в этом не участвовал, сидел молча и не принял ни одну из сторон. Он вообще был, как считала Лена, человеком довольно слабыхарактерным, подкаблучником.

А та ссора так ни к чему и не привела. Каждая – и мама, и Лена, вскоре ушедшая на улицу и пробродившая там до темноты, – осталась при своем мнении.

Даже Тамара Александровна, любимый педагог в драмкружке, и та несколько раз осторожно начинала отговаривать воспитанницу от принятого решения. Мол, ты, конечно, способная девочка, работающая, настойчивая, но этого мало, очень мало... Среди абитуриентов московских вузов тысячи способных настойчивых девочек, ей ли этого не знать, она сама когда-то была одной из них. У многих из этих девочек родители работают в театре или кино, у них есть связи, деньги, их готовили к поступлению педагоги этих же вузов – и даже при таком багаже не каждой из них удастся стать студенткой театрального института. А если и удастся, это все равно не гарантирует успеха. В России ежегодно театральные вузы выпускают сотни актеров и актрис, но лишь единицы из них становятся популярными, играют в хороших театрах и снимаются в кино. Остальные ютятся где-то на задворках, а то и вовсе меняют профессию. То ли это будущее, которого хочет Лена? Может, передумать, пока не поздно?

Но девочка только качала головой. Что будет, то будет. А пока она еще раз прочтет басню, которую готовит для вступительных экзаменов. Ей кажется, что она нашла новую интересную интонацию, пусть Тамара Александровна послушает, хорошо ли так будет...

В день, когда она собиралась на выпускной бал, матери не было дома. А отец пришел с работы пораньше и, остановившись в дверях ее комнаты, залюбовался дочкой, одетой в модное платье, с высокой прической и в новых туфельках на шпильках.

– Совсем большая выросла... – растроганно сказал он. – Надо же, и когда успела?.. И какая красавица!

Лена благодарно улыбнулась ему, последний раз крутанулась перед зеркалом и уже хотела бежать, но отец остановил ее.

– Пстой, Аленушка, я тебе кое-что скажу. Знаешь, может, что-то и есть в твоих планах... Почему бы не попробовать, в конце концов? Каждый имеет право пробивать дорогу в жизнь по-своему... – задумчиво проговорил отец, и Лена почувствовала, как по щекам у нее потекли слезы.

– Спасибо, папа, – прошептала она и отвернулась.

А он вынул из кармана старенького пиджака какой-то газетный сверток и сунул ей.

– Что это? – не поняла девушка.

– Деньги. Мои сбережения, я их копил потихоньку... Тут не так много, всего сто тридцать четыре рубля... Но, может, хотя бы на первое время тебе хватит.

Наладить отношения с матерью так и не удалось, и Лене это очень огорчало. Не желая накалять страсти, она взяла билет на дневной поезд, чтобы уехать тогда, когда мамы нет дома. Девушка понимала: если она вот сейчас, в этот решающий миг, даст слабину, откажется от задуманного, то получится, что она ни на что не способна и ничего не стоит. Той яркой и интересной жизни, к которой она стремится, достойны лишь сильные духом, тот, кто готов рискнуть и, не колеблясь, поставить на карту все. Или пан – или пропал, как говорила Варвара, героиня пьесы «Волки и овцы», отрывок из которой они ставили в драмкружке.

В плацкартном купе – ей досталась верхняя полка – Лене вдруг стало страшно, как никогда в жизни. Куда она едет, где будет жить, на какие деньги? Что станет делать, если не поступит? Как выдержит, вернувшись домой, упреки матери, все эти «А я тебе говорила!», которые, конечно же, польются на нее рекой? И что сегодня вечером будет с родителями, когда они, придя домой, найдут оставленную на трюмо записку: «Мамочка, папочка, простите меня, родные, но я твердо решила. Уехала в Москву, не беспокойтесь. Как поступлю, дам знать». Что они подумают, что почувствуют? Мама сначала, конечно,

разозлится, может, даже покричит ей вслед, а потом, может, расплачется... Может, только Лена этого не увидит и не узнает. Но думать об этом сейчас не было никакого смысла. Все равно ответов на такие вопросы не найти. Они придут потом, со временем.

Громко стуча колесами, поезд вез ее все ближе к цели. Ночь прошла беспокойно. Собираясь впопыхах, Лена даже не подумала о том, чтобы взять с собой в дорогу еды, пришлось обойтись парой подозрительных пирожков, купленных на бегу, во время остановки поезда. От них тут же заболел живот, Лена скрючилась калачиком на своей полке и молила бога, чтобы ей не стало хуже. На нижних полках ехали какие-то тихие старушки с котомками, они долго переговаривались шепотом о чем-то своем, но ее это нисколько не напрягало. Больше неприятностей создавал краснолицый мужчина, который до двух ночи глушил в одиночку коньяк, а оставшееся время нещадно храпел на соседней верхней полке, обдавая Лену плотным облаком перегара, от чего ее мутило.

– Мужчина, вы не могли бы потише? – не выдержала она, потрогав своего соседа за плечо, потом посмотрела вниз с надеждой на помощь старушек, но те промолчали: то ли не услышали, то ли не захотели вмешиваться. Сосед, конечно, никак не отреагировал и продолжал храпеть на весь вагон. Лена в бессильной злобе отвернулась к стене и не спала почти до самого утра, лишь время от времени проваливаясь в полузабытье...

– Эй, красавица, ты белье сдавать будешь? – услышала она около себя звонкий голос проводницы и открыла глаза. – Почти приехали, соня, – увидев ее испуг, ласково добавила женщина. – Скоро туалеты закрою, так что пошевеливайся!

– А что, уже подъезжаем? – сонно спросила Лена.

– Да полчаса осталось, даже меньше.

Полчаса! От этого слова с нее тут же слетел весь сон. Она уже почти в столице, она сделала этот первый, самый страшный шаг!

Вспоминать свои первые впечатления от Москвы Лена не очень любила. Кому приятно чувствовать себя в роли глупенькой провинциалки? А иначе и быть не могло – ведь до этого столицу она видела только по телевизору. И даже не представляла себе, что тут такие огромные дома, такие толпы людей, такие

потоки машин. А еще эти лестницы в метро, которые едут сами, это же просто ужас какой-то!..

С грехом пополам Лена добралась до Щепкинского училища, на котором остановилась еще дома, изучая справочник для поступающих в вузы. Почему-то ей казалось, что в этот институт конкурс будет меньше всего.

Несмотря на ранний час, во дворе училища было уже полно народу, и Лена снова вспомнила любимый фильм «Карнавал» – все именно так, почти что в точности! Стайка ребят и девчонок, сбившихся в кружок, курит и нарочито громко смеется, худенькая девушка восточного вида что-то бормочет себе под нос, судорожно прижимая к груди книгу, длинноволосый юноша в черной кожаной куртке – это в такую-то жару! – лениво перебирает струны гитары...

Лена растерялась. Что теперь делать, куда идти? Она была так испугана, что даже не заметила огромного объявления на двери, специально для абитуриентов сообщавшего, где принимаются документы. А спросить было как-то неловко, почему-то казалось, что все вокруг смотрят на нее с усмешкой – на ее помявшуюся от долгого лежания на полке кофточку, на волосы, которые она вымыла накануне, но которые после ночи в душном поезде снова были грязными, на старый чемодан в руках, который она не догадалась сдать в камеру хранения. И всем она ненавистна, потому что они видят в ней соперницу, конкурентку на то место, которое сами собираются занять.

Наконец Лена все-таки заметила объявление и отыскала нужную комнату. В приемной комиссии сидело несколько человек, но общалась с абитуриентами в основном грубая толстая тетка, совсем не похожая на служительницу муз. Казалось, ее основной задачей было не разъяснять им условия поступления, а грубостью и хамством отсеивать как можно больше потенциальных студентов на самом начальном этапе.

– Извините, а вы не подскажете... – обратилась к ней Лена, с трудом протиснувшись сквозь толпу.

– Ты что, не видишь, здесь очередь! – рявкнула на нее тетка, и Лена пристыженно огляделась: оказывается, это кажущееся стихийным скопление народа, колыхающееся у стола, являло собой некое подобие очереди. Лена послушно отправилась в ее конец. В этой толпе она чувствовала себя совсем

одинокой – в основном все уже были знакомы и стояли парами, а то и вовсе кучковались в группах по три и более человека и тревожно переговаривались. Невысокая девчушка, тонкая как ниточка, что-то увлеченно доказывала своему спутнику. Лена прислушалась.

– Я вообще теперь думаю, может, без крутых родителей нечего там делать? – щебетала девушка. – Какое-то разочарование сплошное... Они ведь спрашивали, кем работают родители. А у меня мама библиотекарь, отца вообще нет. Наверняка я из-за этого не прошла. Потому что читала хорошо, меня похвалили даже. А девочка, которая шла передо мной, постоянно забывала текст и переигрывала – просто ужас! Но у нее мать на «Мосфильме» работает – и она прошла. Теперь я уже почти не верю, что можно поступить без блата или денег...

Другая девушка, рыжеволосая и веснушчатая – даже руки и плечи у нее были в веснушках! – делилась с подругой:

– ... тогда он меня спрашивает: «Вы к какому педагогу на курс поступаете?» А я так растерялась, говорю: «Да мне все равно, лишь бы поступить!» Так он меня чуть на смех не поднял...

– Ничего удивительного, – отвечала ее собеседница, очень некрасивая остроносая шатенка. – Все нормальные люди выбирают именно педагогов. Сама понимаешь, что учиться на курсе у Табакова или Ефремова куда престижнее, чем у какого-нибудь Мулькина-Тютюкина.

В третьей группе обсуждался сам экзамен.

– Самое сложное – это импровизация. Представь себе – вот ты читаешь басню, а тебя на полуслове прервут и попросят показать что-нибудь. Осла, везущего тележку, или старенького дедушку, телевизор или бесконечность – как повезет. Растеряешься – и все, пиши пропало!

– Меня в прошлом году попросили показать икающую лошадь, – сказал белокурый мальчик, хорошенький, как картинка.

– А что? – тут же откликнулся другой, плечистый и очень высокий, чуть ли не на голову возвышавшийся над всеми остальными. – Это ж раз плюнуть! – И тут же

принялся изображать, да так забавно, что все вокруг покатались со смеху, и тетка за столом заорала, что, если они тотчас же не прекратят мешать ей работать, она выставит всех за дверь.

«Вот у него действительно талант, – подумала Лена, глядя на высокого парня. – Я бы ни за что не смогла так симпровизировать...»

Наконец подошла ее очередь, и она робко пододвинула документы строгой тетке.

– Опять иногородняя, – с презрением проговорила та. – Отборочные туры весной, конечно, не проходила?

– Н-нет, видите ли, весной я...

– Слушай, – перебила ее тетка, – меня совершенно не волнует, что ты делала весной. Меня волнует, что список уже переполнен. Иди-ка ты попытай силы в другом месте или на следующий год.

– Но, может быть, вы сделаете исключение? – проямлила, сама не веря собственной смелости, Лена.

– А с какой это радости? У тебя что – папа Никита Михалков?

– Нет, – ответила Лена, не обращая внимания на грубость. – Просто я денег скопила только на один билет.

– Что? – ошарашенно переспросила тетка.

Лена стыдливо опустила глаза, а тетка вдруг замялась и, пожевав губы, проговорила:

– Ладно, черт с тобой...

Отметила что-то в своих тетрадках, объявила:

– У тебя первый тур через три дня, – и громко обратилась к очереди: – Следующий!

Лена пулей вылетела из комнаты, еще не смея поверить в свое счастье.

Только сейчас она поняла, что ей жутко хочется в туалет. Приперло – ну просто спасу нет.

– Извините... – обратилась она в коридоре к полноватой брюнетке с пышным бюстом, чье лицо показалось ей наиболее располагающим. – А вы случайно не знаете, где здесь туалет?

– Случайно знаю, – весело ответила та. У девушки оказался низкий певучий голос и характерный южный говор. – На втором этаже, иди прямо, потом направо... – И замолчала, глядя на испуганное лицо Лены, улыбнулась: – Ладно, пойдем, провожу. Ты, по ходу, в первый раз здесь, да? – тараторила на ходу новая знакомая. – А я уже в третий. Я сама с Ростова, а ты? Ясно. Меня Катей зовут, а тебя?

Перед нужной им комнатой тоже обнаружилась небольшая очередь, и девушки пристроились в хвост.

– А что ты готовила? – продолжала свои расспросы Катя.

– Басню Крылова и кусочек из «Войны и мира».

– Небось «Ворону и лисицу» и первый бал Наташи? – усмехнулась собеседница.

– Да... А откуда ты знаешь? – поразила Лена.

– Да оттуда, что это все читают. Басен вообще готовят только две: или «Ворону», или «Стрекозу с муравьем». А из прозы еще читают монолог Катерины из «Грозы». «Отчего люди не летают, как птицы?» – иронически продекламировала Катя.

Лена потупилась. А ведь она именно из этих вариантов и выбирала – «Ворону» или «Стрекозу», Наташу или Катерину... Ей вдруг до жути захотелось убежать

отсюда, вскочить в поезд и поехать обратно, к маме и папе. Домой, туда, где все легко и просто, где не надо бороться с бесконечными препятствиями. Где можно просто пойти в швейное училище, закончить его и зажечь обычной жизнью, пусть не звездной, но зато спокойной и легкой. Она вдруг ясно поняла, что детство кончилось, и ей стало страшно: а если все то, во что она верила, окажется мыльным пузырем?

– Вот поверь мне, – разглагольствовала тем временем Катя. – Я тут уже не впервые и знаю, что с такими заготовками гораздо меньше шансов поступить. Члены комиссии это все слышали миллионы раз. Трудно что-то новое вложить в этот текст, да и ухо у них замыливается, понимаешь? Я вот, например, взяла отрывок из новеллы Альберто Моравиа.

Надо ли говорить, что Лена никогда даже не слышала о таком писателе? Облокотившись о стену, она устало выдохнула:

– Как же так – меньше шансов? А я полгода эти тексты готовила... Что же теперь делать?

Они действительно разучивали с Тамарой Александровной Толстого, проверенную классику. Выбирая прозаический отрывок, решили не рисковать и пойти проторенным путем – кто знает, как комиссия отнесется к авторам с более шаткой репутацией? Именно на монолог Наташи Лена и возлагала основные надежды, тысячи раз проговаривая перед зеркалом давно уже надоевшие слова.

– А стихотворение какое? – не унималась Катя.

– Монолог Чацкого «А судьи кто?».

– Ну, хоть это куда ни шло, – откликнулась собеседница. – Не так избито. Только, на будущее, выбирай то, что нравится лично тебе, а не всем остальным. И стихотворение лучше читать такое, которое как будто про тебя написано. Это ценится, когда, типа, на произведение твой личный жизненный опыт накладывается... Только не увлекайся. Помню, одна тут читала «Мой милый, что тебе я сделала?», так посреди стихотворения разрыдалась, начала причитать, что ее муж бросил. Уржались все!.. А ты сама готовилась?

– Меня готовила наша руководительница театральной студии, – чуть горделиво вскинула голову Лена.

– Да? Только не вздумай об этом комиссии сказать, – сделала страшные глаза Катя.

– Почему? Что в этом плохого?

– Да то, что они все терпеть не могут самодеятельности. Узнают, что тебя готовила руководитель драмкружка, из принципа завалят! Иди, вон кабинка освободилась...

Выйдя из кабинки, Лена снова увидела Катю, красившую губы перед зеркалом, и очень обрадовалась этому. Ей почему-то было очень страшно оставаться одной, тем более не хотелось этого сейчас, когда показалось, что в этой толпе конкурентов она нашла родственную душу.

– Ну что, пойдём покурим? – предложила Катя, и Лена с готовностью согласилась. Вообще-то она не курила, но умела – в том смысле, что пробовала несколько раз, считая, что актрисе подобный навык необходим.

Выйдя на улицу, Катя достала из сумочки пачку сигарет и протянула Лене одну из них – длинную, темную, похожую на сигару, только тонкую. Лена, чуть поколебавшись, взяла. На ее счастье, сигареты оказались легкими, ментоловыми.

– А ты сама-то как готовилась? – спросила она Катю.

– Я с репетитором занималась. С артистом из нашего местного театра, хороший такой дедок, с юмором... Но, если честно, и не надеюсь сейчас поступить, всего-то третий год пробую.

– Третий – это «всего-то»?

– А что ты удивляешься? С первого раза почти никто не поступает, если только блатные. Тут люди по пять раз приходят, по шесть... Ну, сама посуди: конкурс триста человек на место, прикинь свои шансы! Первый-то раз я, как дура, только

в Щуку поступала. Ну и вылетела на первом же туре, конечно. Сунулась в другие вузы – поздно, раньше надо было приходиться... А в прошлом году я уже заранее везде документы подала: и сюда, и в Щуку, и в ГИТИС, и во ВГИК... И все отборочные уже весной проходила.

– И что – нигде не получилось?

– Не-а... – с досадой покачала головой Катя и тут же добавила: – Но я решила, буду пробовать еще. Это моя идея фикс – стать актрисой. Иначе не могу и не хочу. Чувствую, что это мое. Понимаешь?

Лена кивнула. Она понимала, как никто, сама чувствовала то же самое.

Первые свои московские ночи Лена ночевала на вокзале, сидя на жестком стуле в зале ожидания. Сначала ей казалось, что так спать вообще невозможно, но в последнюю ночь перед экзаменом она вдруг заснула, отрубилась так, что, кажется, из пушки не разбудишь. И только чудом не проспала. Уже привычно умылась, причесалась и накрасилась в вокзальном туалете, там же переделалась в лучшее свое платье, предварительно извлеченное из чемодана и расстеленное поверх него в ячейке камеры хранения.

Всю дорогу до училища Лену колотило мелкой дрожью, которая почему-то никак не унималась. Дверь аудитории, где проходил экзамен, постоянно хлопала от беспрестанно мотающихся туда-сюда людей: абитуриентов, членов приемной комиссии, и девушку это нервировало еще сильнее. Сжавшись в нервный комок, она ждала, ждала, но когда вдруг услышала свою фамилию, то чуть не подпрыгнула от неожиданности. Окинув ошалелым взглядом стоящих рядом абитуриентов, поймав легкий оттенок сочувствия в их глазах, она оторвалась от стены и прошла в аудиторию. Члены приемной комиссии, восседавшей за длинным столом, казались какими-то агрессивными и уже загодя настроенными против нее. Среди них был известный артист, которого она точно много раз видела в кино и по телевизору, но Лена никак не могла вспомнить его фамилию.

– Что вы готовили? – спросили ее как-то резко, словно желая поскорее отделаться.

– Монолог Чацкого, – пролепетала Лена.

Члены комиссии удивленно переглянулись. Ей даже показалось, что послышался легкий смешок.

– Пожалуйста, приступайте, – вежливо сказал председатель, седой импозантный мужчина.

И Лена начала. Начала – и тут же поняла, что читает ужасно. Еще вчера, когда она репетировала, ей казалось, она может раствориться в словах героя, прочувствовать всю их глубину, а вот сейчас, в решающий момент, стоя перед такой важной публикой, почувствовала, что ничего не получается. словно эта девочка, читающая монолог, и она сама – два разных человека, две разных души, и она наблюдает за той, говорящей, откуда-то издали... Где-то внутри противно засосала холодная пустота – предчувствие дикого провала. Она точно делает что-то не так! мешало все – и чересчур яркий свет, и воспоминания о том тоне, которым ей сказали «Что вы готовили?» (словно обрубили всякую надежду), а сильнее всего мешал все более нарастающий смех. Что такое? Разве она говорит что-то смешное? Почему они смеются? Они издеваются над ней? Тем временем смех рос с поразительной скоростью так, что Лена наконец смутилась и сбилась. Она смущенно посмотрела на седого мужчину, того самого, что попросил начать. Почему-то казалось, что из всех он – самый сердечный и доброжелательный. Но он, почему-то тоже посмеиваясь, вдруг сказал, сдерживаясь:

– Мне кажется, текст для вас не очень подходит. Как бы это сказать... не фактурный...

Как и ожидала, своей фамилии в списке прошедших на второй тур на другой день она не нашла. Тяжелым шагом вышла из училища. Куда теперь идти? Что делать? Ехать домой? Чтобы все подняли ее на смех? А что скажет мама? Начнет с какой-нибудь фразы типа «Я так и думала...», а затем посыплется укоры и упреки. Дико, странно и глупо, но почему-то Лена «так не думала», совсем даже не ожидала своего провала. И если раньше она в ответ на вопросы подруг только отшучивалась: «Не поступлю – буду тогда думать о другой профессии», то сейчас еще сильнее и четче почувствовала, как велико в ней желание стать актрисой. Она не хочет думать о другой профессии, она будет добиваться своего! В конце концов, не она первая, не она последняя провалилась. Вот Катя говорила...

– Привет! – раздался вдруг рядом знакомый певучий голос с южным говором.

Это была она, Катя, легка на помине, в красивом черно-белом платье и открытых сабо на пробковой платформе.

- Привет! - несказанно обрадовалась Лена. - Только что тебя вспоминала.

- Ну, значит, долго жить буду. А что - я не против. Как твои успехи? Прошла на второй тур?

- Нет, - покачала головой Лена. Ответила и вдруг почувствовала - прорвало. Ни с того ни с сего стало очень жалко себя, свои ожидания, свои труды, к горлу подкатил комок, и из глаз покатились слезы.

Катя обняла ее, прижала к мягкой груди.

- Да ладно, не расстраивайся ты так, - утешала она, - почти никто с первого раза не проходит. На личном опыте убедилась, хотя в позапрошлом году тоже, чего врать, ревела в три ручья. И в прошлом тоже... Зато, знаешь, есть время себя проверить - целый год подумать, действительно ты хочешь этого или нет.

В ту ночь Лена ночевала уже в комнатухе, которую Катя снимала где-то на окраине. Единственная тахта в ней была настолько узка, что вдвоем никак не поместиться. Спать пришлось на полу, на тонком матрасике. Но после сна в сидячем положении на жестком стуле зала ожидания Лене показался он роскошью. Впервые с тех пор, как покинула дом, она по-настоящему выспалась.

А следующий день был уже днем траура Кати. Она тоже не прошла очередной этап. Последняя в этом году попытка не увенчалась успехом. И то, что документы были поданы в несколько вузов сразу, тоже не помогло.

Девчонки обнялись и снова вдоволь наплакались. А потом вытерли глаза и носы и решили, что жизнь продолжается. Не сразу Москва строилась...

Узнав, что у Лены есть немного денег, Катя очень обрадовалась:

- Вот здорово! Мне только что отдельную квартиру снять предлагали, но я отказалась - одной не по карману. А вдвоем мы ее потянем. Там не дорого, всего восемьдесят рублей. А потом ты работу найдешь, и заживем с тобой - лучше

некуда, готовиться вместе будем... Как тебе идея?

Идея была очень даже неплоха, тем более что рядом с Катей Лена чувствовала себя в этой огромной и бестолковой Москве гораздо спокойнее. Ее новая подруга сделала несколько звонков, и вскоре они вместе отправились осматривать квартиру. Она располагалась на пятом этаже девятиэтажного дома с лифтом, небольшая, но уютная, с маленькой кухней и комнатой метров в восемнадцать. Трехстворчатое окно завешано потертой шторкой в синий цветочек, около него мягкий, по всей видимости, раскладывающийся диванчик, в углу – кушетка, которая устало скрипнула в момент, когда Катя попыталась на нее присесть.

– Конечно, не фонтан, очень уж далеко от метро, но жить можно! – заключила подруга и обратилась к Лене: – Ты как считаешь?

Та только согласно кивнула.

В тот же вечер они перебрались на новую квартиру. По совету подруги Лена позвонила домой. Сама бы она еще потянула несколько дней, подбирая слова, но Катя верно подметила, что это время ничего не решит, а родители и без того с ума сходят. На том конце провода долго не брали трубку, хотя, по подсчетам Лены, мама должна быть дома. Может, услышав длинный звонок междугородней связи, она догадалась, что звонит сбежавшая дочь, и не захотела разговаривать? Лена повесила трубку и задумалась. Проводить на телеграфе весь вечер не хотелось, еще неизвестно, получится ли разговор. «Дам телеграмму», – неожиданно пришла в голову мысль. Идея была великолепная – во-первых, не нужно отвечать на массу дополнительных вопросов, во-вторых, изложить можно только то, что хочется, скрыв остальное. Она так и сделала, тут же отправив телеграмму с лаконичным сообщением, что у нее все в порядке. О результатах экзаменов Лена не упомянула.

«Хорошо хотя бы, что с квартирой все так быстро устроилось, – думала она. – Теперь надо решать, что делать дальше». В том, что на следующий год она снова будет пытаться поступить, Лена даже не сомневалась. А сейчас, когда вопрос жилья был решен, ее уверенность укрепилась еще больше. «Тут мне и удобнее готовиться будет – никто не помешает. И Катя поможет, подскажет, посоветует, что и как. Я ведь совсем ничего не знала, приехала неподготовленная, неудивительно, что провалилась».

Со следующего дня она начала поиски работы. На первый взгляд вакансий в столице хватало, а Лена особо и не собиралась выбирать – кем угодно, лишь бы деньги платили, лишь бы удержаться тут. Вот только, куда она ни обращалась, везде спрашивали про московскую прописку. А где ее взять-то? Лишь однажды на отсутствие прописки готовы уже были закрыть глаза и чуть было не взяли Лену уборщицей в магазин, но в последний момент отказали – несовершеннолетняя. Кате-то было значительно проще – ее кто-то из многочисленных знакомых пристроил лаборанткой в научно-исследовательский институт, где она брала отпуск на время вступительных экзаменов и куда вновь вернулась после очередной неудачи.

Пока подруга была на работе, Лена решала вопросы с трудоустройством и поддерживала их нехитрый совместный быт – убирала, стирала, готовила, покупала продукты. Однажды, делая покупки на недавно открывшемся в их районе стихийном рынке, она увидела у лотка с хлебом объявление: «Требуется продавец на полный рабочий день». Лена тут же обратилась к полной женщине в грязном халате:

– Скажите, а с кем мне по объявлению поговорить? Насчет работы?

– А, это к Алику, – ответила та. – К Алику Масудовичу. Вон туда иди. Там направо, около мясного. Маленький такой, в кепке.

– Спасибо. А не знаете, какая зарплата? – решила на всякий случай уточнить Лена.

– Да он скажет! – отмахнулась женщина.

Метров через пятьдесят она действительно увидела невзрачного низенького кавказца в засаленной куртке, кутившего вонючую папиросу.

– Вы Алик Масудович?

– Ну... – Он даже не привстал с ящика, служившего ему стулом.

– Я по объявлению. Вам продавец нужен?

Тот окинул девушку оценивающим взглядом и с ходу задал уже успевший стать ненавистным вопрос:

- Прописка есть?

- Нет... - грустно отозвалась она.

- Продавцом работала? - продолжал расспрашивать голос с выраженным акцентом.

- Нет.

- Замужем?

- А какая разница?

Он вдруг засмеялся, обнажив кривые зубы. Два из них были золотыми, остальные просто желтыми.

- Ладно, я тебя беру. Работать будешь день через день, с семи до девяти. Платить буду сто рублей, не больше. И учти: поймаю на воровстве - руки-ноги повыдергаю, поняла?

- Поняла.

- Тогда завтра и выходи.

Она так обрадовалась, что бегом побежала домой, и, только уже уйдя с рынка, вспомнила, что не спросила самого главного. Пришлось возвращаться:

- А с чем я буду работать, с каким товаром?

- С рыбой, - ответил хозяин и смачно сплюнул.

Лена замерла - она с детства не переносила запах рыбы.

– А можно с чем-нибудь другим, с любым продуктом, только не с... – начала она, но новый начальник тут же обрубил:

– Не нравится – ищи другую работу.

Делать было нечего. Взвесив все «за» и «против» и обсудив вечером проблему с подругой, Лена решила, что согласится. Самое главное, что он был готов взять ее на работу немедленно. «Найду место получше, тут же уйду, а сейчас главное – закрепиться», – решила Лена.

На следующий день она уже стояла за прилавком и взвешивала мороженный палтус, треску и хек. Сначала было очень тяжело, но постепенно она привыкла. Привыкла ко всему – и к рыбьему запаху, и к слизкой чешуе, и к рыбным отходам, постоянно норовившим перепачкать прилавок, и к грубости начальника, и к хамству других продавцов, и к капризам покупателей, и к постоянным домогательствам, которым она научилась противостоять... Главное, на съем квартиры и еду денег хватало, хотя и впритык. Девушки старались экономить на всем, покупали в основном дешевые макароны и картошку. Стремилась больше готовить сами, а не питаться полуфабрикатами – так выходило дешевле. Было очень тяжело – но зато они жили в Москве и готовились поступить в театральную.

Домой она все-таки дозвонилась. В первый раз трубку снял отец.

– Ну, дочка, натворила ты дел, – вздохнув, сказал он. – Мать извелась вся, даже в милицию хотела заявление подать, да у нее не приняли. Ты хоть поступила?

Лена помолчала, потом выдавила:

– Нет.

Она вдруг почувствовала себя жутко виноватой перед матерью. Представилось, как та сидела ночами за кухонным столом, плакала и слушала шаги, раздающиеся на лестничной площадке...

– Ну вот, – опять вздохнул отец, – видишь, не все так просто. А почему не взяли, объяснили?

– Ну, так получилось, – с досадой пролепетала Лена, осознавая, что именно так говорят родителям сотни не поступивших абитуриентов. Стало неприятно, даже невыносимо разговаривать на эту тему. Не объяснишь же всего, ведь наверняка подумает, что она просто оказалась бездарностью. Но отец не стал заострять на этом внимание, как будто ему и так было все понятно.

– И что теперь? Почему ты не возвращаешься?

– Послушай, па... Я уверена сейчас больше, чем когда-либо, что стану актрисой. Верь мне, пожалуйста, я не могу вернуться – это значило бы сдать. Теперь я знаю, как надо действовать дальше. Со мной все будет в порядке, не переживайте.

– Легко сказать, – усмехнулся отец.

– Я бы хотела поговорить с мамой, – добавила она робко, – я понимаю, что доставила ей много переживаний. Она желала мне самого лучшего, но только вот наши мнения разошлись... Пожалуйста, попробуй объяснить это ей, я не уверена, что она поймет, но...

– Она все понимает, – ответил отец. – Просто, к моему несчастью, она такая же упертая, как ты. Знай, что я тоже не согласен с тобой, но уважаю твой выбор. Я считаю, что все свои ошибки ты должна сделать сама. Постараюсь поговорить с мамой, – пообещал он напоследок.

Папа сдержал слово и, на удивление Лены, имел в этом успех. В следующий раз трубку уже взяла мать и хоть и достаточно сухо, но заинтересовалась делами дочери.

– Спасибо, что соизволила позвонить, – иронизировала она, – я уже думала, совсем совесть потеряла. Не забывай, появляйся.

– Я буду звонить раз в неделю, – пообещала Лена.

И сдержала свое слово. Они стали регулярно созваниваться, разговаривать о житейских мелочах и вскоре забыли о конфликте. Все устроилось как-то удивительно ровно. Казалось, так всегда и было – она в столице, а родители там,

в Магнитогорске.

Постепенно Лена привыкла к московской жизни, к толпам народа, суете и толкотне, машинам, тяжелому загазованному воздуху и той холодности, с которой люди относились друг к другу, – не то что в родных местах, где тебя каждая собака знает.

Иногда они с Катей гуляли в парке неподалеку, ели мороженое, катались на аттракционах, изредка ходили в кино. Но такие дни выдавались не часто, в основном из-за плавающего графика Лены – ее выходные чаще приходились на будни, а не на субботу и воскресенье. Она продолжала много заниматься, читала, репетировала, хотя и страшно уставала после четырнадцатичасового рабочего дня. Руки ее стали грубыми, какими бы кремами она их ни натирала, от нее постоянно пахло рыбой, и никакой душ не спасал. Но это не пугало Лену, ведь она шла к своей цели, пусть и малюсенькими шажочками. Через полгода хозяин, видя ее старание, перевел девушку на другой лоток, на овощи и фрукты. Стало немного легче. Потом получилось еще лучше – перешла в вещевую часть рынка торговать мягкими игрушками. А дальше и вовсе повезло. Научный сотрудник из института, где работала Катя, решил начать свое дело, открыл небольшую фирму и пригласил бывшую лаборантку пойти к нему секретарем. Катя от такого предложения отказалась (на тот момент она уже поступила в ГИТИС, добилась-таки своего), но «сосватала» знакомому Лену. После житья впроголодь двести долларов зарплаты показались ей несметным богатством. Даже с учетом того, что за квартиру она теперь платила одна, денег стало все равно больше, и Лена распорядилась ими с умом, не потратила на шмотки и развлечения, а стала посещать занятия у актрисы, подрабатывавшей репетиторством. И продолжала, продолжала каждую весну брать штурмом театральные вузы столицы.

На второй год она подала документы во все институты и дошла аж до второго тура и в Щуке, и в ГИТИСе – какой прогресс! На третий год она уже отправилась на экзамены без трепета, почти без волнения, как на работу. И недобрала всего один балл в Щепку, хотя получила пятерку по мастерству. Вот это было очень обидно. Ей ведь уже двадцать стукнуло, рядом с шестнадцатилетними абитуриентами она чувствовала себя переростком. Даже отец по телефону стал спрашивать – не поздно ли думать о карьере актрисы? Она уже и сама не знала, поздно или нет. С одной стороны, сдаваться совсем не хотелось, даже привыкла из года в год поступать. А с другой стороны, сомнения стали с большей силой одолевать ее. И Лена решила – на следующий год последняя

попытка, и все! Если нет – то нет, она признает собственное поражение. Ну, а если да...

Катя к тому времени уже училась в ГИТИСе, точнее, в РАТИ. И хотя Лена уже крепко стояла на ногах, работала офис-менеджером в небольшой редакции рекламной газетенки, неплохо зарабатывала и без проблем могла самостоятельно снимать квартиру, без подруги ей все равно было как-то не по себе, и она старалась почаще видеться с ней, жадно расспрашивала об учебе и делилась всем, что происходило в ее жизни.

Лена сильно изменилась внешне, отрастила волосы, теперь ее густая шевелюра пшеничного цвета мягкими и красивыми волнами спадала до самой талии. Она оставалась худой, даже еще больше похудела – а с чего в таком бешеном ритме толстеть, – но это пошло ей только на пользу, глаза, что ли, стали выразительнее. Единственное, чем она была жутко недовольна, так это нос – благодаря худобе он стал еще более заметен. Ну как же его спрятать? Но, похоже, кроме нее, этого недостатка никто не замечал, мужчины все чаще обращали на нее внимание. Прохожие подходили знакомиться на улице, верстальщики в офисе напропалую флиртовали, и даже клиенты компании нередко пытались пригласить куда-нибудь.

Долгое время Лена ни на кого не реагировала – было просто не до того. Обычно она всегда сразу устанавливала между собой и окружающими мужчинами невидимую границу, была со всеми вежлива, но холодна. И моментально пресекала легкомысленное заигрывание, кокетство или намеки в ее сторону. Но время шло, молодость брала свое. И однажды весной Лена совершенно неожиданно для самой себя влюбилась. Кто бы мог подумать, что она потеряет голову из-за своего же сотрудника? Вроде бы все мужчины в офисе давно стали своими, почти как родственники, никто из них особенно Лену не привлекал. Но недавно шеф сменил водителя. Стас сразу стал любимцем всех женщин. Смазливый, веселый, остроумный, как начнет балагурить – живот со смеху надорвешь. Сначала он Лене не очень понравился. А потом она даже не заметила, как стала с нетерпением ждать его появления, как по утрам, придя на работу, начала подолгу вертеться перед зеркалом, что охотнее всех смеялась над его шутками, что краснела при одном упоминании о нем. Он тоже уделял ей больше внимания, чем остальным девушкам, это было заметно. В один прекрасный день вдруг пригласил в кино. Лена была так счастлива, что потом так и не вспомнила, что был за фильм. Весь сеанс Стас, обняв ее, поглаживал то ее руку, то ее коленку, от чего по спине бегали мурашки и сладко ныло в

животе. Из-за Стаса она совсем потеряла голову и уже через неделю после кино оказалась с ним в постели. Праздновали день рождения Галки, менеджера по рекламе, хорошенько выпили, Стас вызвался отвезти Лену домой (шеф в те дни был в отъезде), потом напросился в гости. Ну, и...

Уже на следующее утро Лена стала сильно сомневаться – правильно ли поступила? Какое-то дурное, нехорошее было у нее предчувствие. Стаса в офисе не было, да и неудивительно, небось спал еще, ведь уехал от нее около пяти утра, Лена с трудом помнила, как, сонная, закрывала за ним дверь. Напрасно потом она прождала его на работе – в тот день он на фирме так и не появился и даже не позвонил. На следующее утро промелькнул, но к ней не зашел, а быстренько проскочил мимо, улыбнулся, подмигнул, исчез за тяжелой дверью и больше не возвращался. Лена сначала растерялась, затем расстроилась... А потом ужаснулась, узнав, что к чему, от болтливой журналистки Ирки. Та, делая вид, что сочувствует и «хочет раскрыть ей глаза» на то, «на какого козла она клюнула», с плохо скрытым злорадством поведала, что об их связи уже знает весь офис, и вообще «Стас над ней прикольнулся». С притворно-сопереживающим видом Ирка сообщила, что водитель, оказывается, поспорил с мужиками, что переспит с ней, с Леной. Те уверяли, что ничего не получится, потому что Лена Горохова хоть и «симпотная», но слишком высокого о себе мнения, вечно нос задирает. Больше всех Чумилин шумел на эту тему, а Стас ему руку протянул и говорит: «Спорнем? На ящик пива». Верстальщики спор разбили, и Чумилин довольный еще такой ходил, думал, беспрюирышный вариант, а получилось наоборот...

После Иркиных откровений Лена проревела несколько ночей подряд, но днем в офисе старалась держать себя в руках. И это ей удавалось. Даже в тот ужасный момент, когда Ирка вылила на нее всю эту грязь и под конец бормотала что-то типа: «Я давно хотела тебя предупредить, да все никак не получалось», Лена, хотя внутри у нее все кипело, справилась с собой, улыбнулась и ответила: «Ничего страшного! Наоборот. Ты мне прям груз с души сняла. Я ведь все думала, как так с ним порвать, чтобы не обидеть. Ну очень уж он плох в постели...» Ирка обомлела и даже растерялась. Она-то ждала, что Ленка рыдать начнет... Ну уж нет, недаром Лена который уж год в актрисы готовится. И, как бы ни было тяжело, сколько бы слез ни оказалось пролито ночью в подушку, днем девушка играла свою роль отлично. К счастью, причина ее страданий недолго мозолила ей глаза – вскоре шеф уволил его за какую-то провинность.

Судьба вознаградила Лену на четвертый год жизни в Москве. Последняя запланированная попытка оказалась удачной. На тот момент она совсем уже этого не ждала и даже уже всерьез подумывала об экономическом образовании. Ну не все же жить мечтой, которой не суждено сбыться? Лена закрепились в столице и приучила себя мыслить практично. Она была почти уверена – придется строить жизнь по-другому. Когда после экзаменов заглянула в список поступивших и не нашла в нем своей фамилии, Лена почти не расстроилась. Ничего страшного, не всем же в кино и на сцене играть, видно, права была мама, это не ее.

Девушка уже совсем успокоилась, когда вдруг ей позвонили. Приятный женский голос попросил срочно прийти в ГИТИС и сказал какую-то несурязицу по поводу ее зачисления. Лена восприняла это как шутку – ну точно кто-то из девчат прикалывается, но в институт все-таки пошла и, перед тем как зайти в деканат, на всякий случай заново просмотрела список. Каково же было ее удивление, когда она увидела свою фамилию, приписанную шариковой ручкой, в самом низу! Она долго не могла поверить своим глазам – это с ней происходит? Как такое может быть?

Выяснилось, что из пяти прошедших девочек, которые должны были попасть в ее группу, у одной не оказалось гражданства, и ей отказали. Следующей претенденткой была она, Лена Горохова.

* * *

Алла ехала домой в самое неудачное время – в вечерний час пик. Как раз тогда, когда мелкие клерки и менеджеры повылезали из офисов и теперь рвались в свои Бутово, Царицыно и Мытищи. В центре не протолкнуться от машин – и Аллу это страшно бесило. И кто, скажите на милость, решил, что все эти «конторы Никанора», где работает большая часть офисного планктона, обязательно должны находиться в центре? Открывали бы свои лавчонки в спальных районах! А центр оставили бы для жизни и работы приличным людям...

Домой, на Басманную, Алла добралась, уже будучи несколько на взводе, сильно уставшая, хотя вроде бы ничего особенного сегодня не делала, в бутиках своих даже не появлялась, только по телефону с помощницами разговаривала. А вымоталась так, точно сама целый рабочий день за прилавком отстояла.

Присев на пуфик в холле, она вытянула ноги в рыжевато-коричневых, в тон накидке, туфельках и невольно залюбовалась. Не столько туфлями, сколько своими ногами – такими они выглядели стройными и грациозными, загорелыми и гладкими. Все-таки, что бы там Илья ни говорил про пустые траты денег, солярий, салон красоты, где она только вчера сделала эпиляцию, и все остальное в этом духе ей просто необходимо как воздух. Вот какие результаты это дает, ножки – прелесть. Туфельки тоже ничего, но они уже старые, им скоро год. А что делать? Был бы у нее хороший муж, который нормально бы ее обеспечивал... А так – приходится самой крутиться...

– Слушай, ну ты упрям, Емельянов! – услышала она вдруг грубоватый женский голос, доносившийся из гостиной. – Говорю тебе, ехать надо, и не медля!

Что это они развоевались? Алле стало любопытно, она прислушалась, прокравшись по холлу на цыпочках.

– Сколько можно повторять, никуда я не поеду, – негромко возражал за дверью Илья. – Не хочу, и все! Я никогда на задних лапках перед такими не бегал и не стану!

– Да конечно, не бегал! Конечно! А зачем? Когда есть Марина! Она все за тебя сделает!

Алла усмехнулась. Хоть и не любит она Маринку, а проблемы у них обеих с Ильей совершенно одинаковые.

– Ну что ты завелась? – все так же тихо заметил Илья, и Алла была уверена, при этом поморщился, очень уж не любил он разговоры на повышенных тонах. – У меня сейчас от твоего крика голова лопнет.

– Да пусть лопнет, пусть лопнет! – горячилась Марина. – Емельянов, ты – дебил! Ты хоть понимаешь, сколько у него бабок? Понимаешь? Ты считать еще не научился? Вот и посчитай свою выгоду, если продашь ему хоть одно свое полотно! А он купит, обязательно купит две твои картины, а то и больше. Тебе всего-то навсего надо слетать к нему домой. Ну не хочет он покупать kota в мешке.

– Тогда пусть сам сюда приезжает и выбирает, – упирался Илья. – С какой это стати овес за лошадью должен ходить?

– Ты не лошадь, Емельянов, ты упрямый осел! Ну что, от тебя убудет – слетать к нему? Миславский вон слетал, и ничего, жив остался, еще и две картины свои впарил... – Марина вдруг замолкла, поняв, что ляпнула в порыве чувств что-то не то.

Стоя в холле, Алла покачала головой – теперь ее муж точно ни за что не согласится: своего бывшего однокашника Миславского он на дух не переносит и по его следам вряд ли пойдет.

– Миславский? – переспросил Илья. – Вот пусть Миславский ему в ножки и кланяется, а я не буду.

– Ну и иди ты к черту! Достал ты меня! Нянчусь с тобой, как с ребенком, ей-богу! Тогда сам и ищи себе покупателей! Все, чао!

Алла предусмотрительно отскочила подальше, и правильно сделала – дверь тотчас распахнулась настежь, и в холл вылетела растрепанная и раскрасневшаяся Марина. Бурные эмоции совсем не красили ее, что Алла не преминула отметить. Помощницу мужа она всегда считала женщиной непривлекательной, а главное – не умеющей за собой следить и правильно себя подать. Как там выразилась Коко Шанель, «если женщина к тридцати годам не стала красавицей, то она дура»? Вот-вот, тот самый случай. Этот жиденький хвостик на голове, эти вечно мешковато сидящие, пусть и недешевые, темные деловые костюмы, которые она постоянно носит, эта неудачно подобранная оправа очков, которые ее так старят... И как она в подобном виде ухитряется иметь дела с уважаемыми людьми, покупателями картин? Они же в основном мужчины... Уму непостижимо!

В порыве чувств Марина даже не поздоровалась с ней, так, едва кивнула. Пролетела мимо и уже с порога выкрикнула Илье:

– Я ушла, Емельянов! Подумай о нашем разговоре! Завтра жду от тебя ответа! Надеюсь, ты одумаешься!

Алла даже рта не успела открыть, чтобы перекинуться парой слов с гостьей, как та ускакала, напоследок громко хлопнув дверью. Поскольку муж из гостиной не выходил и даже не ответил Марине, Алла решила сейчас его не трогать. Заглянула в кухню, где соседка Антонина, помощница по хозяйству, уже заканчивала готовить ужин, и отправилась в спальню, переодеваться в домашнее.

Увидев за ужином жену, Илья удивленно вскинул брови:

– Ты уже дома? Надо же, какая приятная неожиданность. А где Максим, не знаешь?

– Он будет поздно. – Алла положила себе на тарелку ложечку салата, заправленного оливковым маслом, налила в высокий узкий стакан свежавыжатый сок из моркови и грейпфрута.

– Опять гулянки? – нахмурился Илья.

Не без зависти Алла следила за тем, как он орудует ножом и вилкой, отправляя в рот кусочки жареного мяса. Счастливый! Ей бы такую конституцию, чтобы есть по вечерам жирную свинину, щедро залитую расплавленным сыром, и это никак не отражалось бы на фигуре...

– А что такого? – с некоторым вызовом парировала она. – Ему девятнадцать лет, и он влюблен. Когда же ему гулять, как не сейчас?

– Влюблен? – Илья так удивился и заинтересовался, что перестал есть. – Максим влюбился? Не верится даже... А я и не в курсе. И кто эта девушка?

– Сама не знаю, – из вредности Алла не стала ничего рассказывать мужу. Пусть это останется их с сыном общим секретом. – Какая-то Лена Горохова. Я ее и не видела ни разу.

– Жаль... Было бы любопытно на нее взглянуть. Но, по крайней мере, его чувства взаимны, у них все хорошо? – допытывался муж.

– Господи, ну откуда я знаю! Что ты ко мне пристал?

Илья пристально посмотрел на жену и соизволил поинтересоваться:

- Ты чем-то расстроена, да? Что-то случилось?

Та пожала плечами:

- Да нет, ничего особенного не случилось... Хотя, конечно, радоваться тоже особо нечему.

- А что такое? - Илья отодвинул от себя пустую тарелку.

- Да все то же. Будто ты не знаешь! Денег вообще нет. Дела у меня в бизнесе как-то не очень идут, еле-еле свожу концы с концами, прибыли практически ноль. А нам столько всего нужно, прямо голова идет кругом! Зима ведь на носу. Машину надо будет «переобуть», да и вообще хорошо бы ее в сервис отогнать, на то, на се... Шубу купить, у Макса тоже куртка уже старая... Он жалуется, что и компьютер ему давно пора обновлять. Да и сессия его не за горами, опять придется за экзамены платить, а мне вообще нечем. Сколько можно к папе обращаться?

- А нечего за него платить, - буркнул в ответ Илья. - Пусть сам учится. Почему-то мне в его годы никто отметки не покупал - и ничего, я учился, и хорошо учился, еще и стипендию получал. И подрабатывал, потому что на эту стипендию жить было невозможно.

- Ну, ты-то понятно, у тебя ни отца, ни матери к тому времени не было, - решительно возразила Алла. - Но Макс-то у нас, слава богу, не сирота! Или ты хочешь, чтобы он в армию загремел? Мне тоже папа с институтом помогал - что тут такого?

- Алла, мы уже тысячу раз говорили об этом, - устало сказал Илья. - Есть ли смысл начинать разговор в тысяча первый? Все равно он ни к чему не приведет, каждый останется при своем мнении, только поссоримся. А если нет денег, то, может быть, стоит пореже покупать всякие побрякушки? - Он указал на ее золотые часики.

– Ну, знаешь ли! – взорвалась Алла. – Мне эти побрякушки, между прочим, не ты даришь, а я сама на них зарабатываю! Ты еще и радоваться должен, что я от тебя ничего не требую. Других женщин мужья полностью обеспечивают. Вон Оля Буковская, жена твоего лучшего друга, вообще не работает, а как они живут! Несколько раз в год за границу ездят, дом загородный строят. Нам такое и не снилось! И вместо того чтобы упрекать меня за мои траты, ты лучше на себя посмотри! Хоть бы что-то из своих картин, которыми ты полквартиры захламил, продал! Так, глядишь, и деньги бы появились... Не все же на моей шее сидеть!

– Алла, ты что?! – ахнул Илья. – Ты хочешь сказать, что я сижу...

Договорить она ему не дала. Сорвалась с места и, звонко цокая каблуками – Алла и дома носила «приличную» обувь, – выскочила из комнаты.

А Илья долго еще сидел над остывшей чашкой чая, думал о том, как все сложилось, недоумевал...

Когда они познакомились, он заканчивал Строгановку. Недавно нашел свою фотографию тех лет и улыбнулся. Смешной он тогда был. Худющий, как жердь, глаза горят, волосы длинные, свободная блуза с воротником апаш и шейный платок... Тогда казалось, что так, и только так должен выглядеть настоящий художник. Сейчас и вспомнить потешно. А Алле только-только исполнилось восемнадцать. Единственная дочка обеспеченных родителей, балованное дитя, привыкшее мгновенно получать все, что понравится.

Их роман начался бурно, как вихрь. Познакомились на вечеринке, на дне рождения однокурсницы, и Илья сразу же потерял голову. Платиновая блондинка с карими глазами и удивительно светлой, молочной белизны, кожей показалась ему ослепительной красавицей, только что не богиней. Он влюбился до умопомрачения. Алке кто-то наболтал, что Илья Емельянов гений и обязательно прославится. Она поверила и захотела его. Захотела так, как хотела новые сапожки, кофточку или браслетик. Мое это должно быть – и все тут.

На тот момент Алла только недавно открыла для себя радости секса и бурно наслаждалась ими. Но предыдущие ее партнеры были мужчины старше ее, хоть и более опытные, но сдержанные, лишенные юных восторгов и сентиментальности. Илья – молодой, влюбленный, горячий, выгодно отличался от них в ее глазах. Он боготворил Аллу, вторую женщину в его жизни. Первая

была случайной, роман с ней вышел пошлым и приземленным, как ни пытался Илья убедить себя, что это настоящая любовь, у него ничего не получилось. Не то что с Аллой.

Два месяца прошло как в угаре, а на третий выяснилось, что Алла беременна. Случился настоящий скандал в благородном семействе Ханаевых. Мать настаивала, что первый аборт вреден для здоровья, отец был против брака – не для нищего студента они растили и холили свою обожаемую дочурку. Единственное, что хоть как-то примиряло его с Ильей, была большая квартира в центре. Все остальное дедово наследство, включая дачу под Яхромой, тот продал, когда заболела мама. Денег на лечение Илья тогда ухлопал кучу, но они не помогли. За год до его знакомства с Аллой мама умерла от сердечной недостаточности.

В итоге свадьба все-таки состоялась. Шикарная, в банкетном зале ресторана «Прага», на семьдесят пять человек гостей, с роскошными подарками и автомобилями «Чайка». Но в семью Илью так и не приняли. Все время давали понять, что есть мы, Ханаевы (в это понятие входила и Алла), а есть ты. Мы отдельно – ты отдельно.

Илья получал стипендию и подрабатывал, но на содержание семьи этого, конечно, не хватало. Тем более когда семья – это Аллочка, привыкшая к красивой жизни, такси, ресторанам, покупаемым у спекулянтов импортным тряпкам и духам, к ежегодному отдыху в Прибалтике или Крыму. Поэтому само собой вышло так, что у мужа и жены сразу же образовались разные кошельки. На деньги Ильи покупались повседневные продукты и вещи для него – художественные принадлежности и изредка одежда. На деньги Аллы, точнее, ее папы – вся та роскошь, к которой она привыкла. Но все равно Илья был счастлив. Он наслаждался жизнью с любимой и старался не замечать того, что могло это омрачить.

К ожиданию ребенка новоиспеченные супруги тоже относились по-разному. Илье очень хотелось сына, и он с нетерпением ждал его появления, заранее полюбил, выбрал имя Максим – так звали героя любимой кинотрилогии[1 - Кинотрилогия Г. Козинцева и Л. Трауберга: «Юность Максима» (1934), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1938).] деда. «Крутится-вертится шар голубой», – напевал Илья за работой в своей студии, представляя, как будет гулять с голубой коляской, как станет учить малыша рисовать, как ответит на все-все его вопросы, которыми, как известно, дети в определенный

период так и засыпают родителей.

Настроение Аллы мало походило на его блаженное состояние. Она словно вообще не думала о том, что будет через несколько месяцев. К счастью, она переносила беременность легко и потому продолжала вести прежний, досвадебный образ жизни. Встречалась с подружками, прогуливала институт (она училась в Плехановском), бегала по магазинам и портнихам и много времени проводила у мамы с папой – одна, без него, потому что Илья старался появляться там как можно реже. Иногда Алла вдруг становилась капризной, придиралась к мужу, могла расплакаться из-за пустяка, например глядя в зеркало и досадуя на то, что фигура испортилась. Но он относился к этому с пониманием, был уверен, что скоро это пройдет, и всегда старался поддержать жену, обнять, утешить.

Их быт был совершенно неустроен, несмотря на то что сразу после свадьбы тесть, сделав тщательную ревизию в его квартире, организовал ремонт, заставил выбросить большую часть «старой рухляди» (Илья с огромным трудом отвоевал лишь несколько дорогих сердцу вещей, с которыми были связаны самые яркие воспоминания) и обставил все современной мебелью, самой лучшей, которую только сумел «достать», как это называлось в те годы. Вести хозяйство юная Алла не умела, единственное, что у нее получалось, – это загрузить одежду в новенькую стиральную машину, также приобретенную ее родителями. Гладила и убирала она плохо, готовить не умела совсем. Поэтому питались молодожены или в кафе, или тем, что делал Илья. Для него не составляло никакой проблемы пожарить котлеты из кулинарии, сварить картошку или макароны, но Аллочка часто отказывалась есть его стряпню, считая подобную еду слишком калорийной.

Именно из-за еды и разгорелся их первый семейный скандал. Она была уже месяце на седьмом, когда Илья увидел в ее руках тонкую тетрадь в клетку и ненароком заглянул в нее через плечо жены. Он думал, что она занимается, изучает какую-нибудь политэкономия, но обнаружил в тетради таблицу калорийности продуктов.

– Ты что, на диете сидишь? – удивился он. – Зачем? Ты же совсем не поправляешься. Вон Оля Буковская, когда ждала Дашку, чуть ли не вдвое шире стала, а ты...

– А я потому и не толстею, что слежу за собой, – отвечала молодая жена. – У меня нет никакого желания из-за этого ребенка превращаться в кадушку.

Слова «из-за этого ребенка» больно царапнули. Как будто она говорила о чем-то неприятном... Раздосадованный Илья осторожно спросил, не вредно ли такое ограничение ребенку. Он ожидал услышать в ответ, что диету назначил врач, потому что во время беременности молодой маме нежелательно сильно поправляться (Оля Буковская даже в больнице лежала из-за лишнего веса). Но Алла сказала совсем другое. Что ей плевать и на врачей, и на Олю Буковскую и что никакие дети на свете не заставят ее уже в восемнадцать лет превратиться в жирную уродливую корову. Илья пытался доказать жене, что здоровье ребенка гораздо важнее ее фигуры, но она вообще не желала слушать его аргументы. Спорить с ней было тяжело, тем более что он всеми силами старался не расстроить жену. Но не удалось. Обозвав его придурком, она, заливаясь слезами, выскочила из комнаты и закрылась в ванной. Выйти оттуда ее заставили только долгие уговоры и извинения. А на следующий день еще и от тестя досталось.

– Что там у вас случилось? – спросил он крайне недовольным голосом. – Аллочка говорит, ты к ее питанию придираешься?

– Понимаете... – начал было Илья, но папаша жены был явно зол и не собирался выслушивать его объяснения.

– Она мне вчера звонит, вся в слезах... Это при ее-то положении? Ты головой думай хоть иногда! Я вообще понять не могу, что она в тебе нашла, а тут еще такие закидоны...

Не дослушав мораль, Илья положил трубку. О том, чтобы выяснять с женой, почему она жалуется отцу, не могло быть и речи. Опять, чего доброго, расплачется... Именно тогда он впервые подумал о том, что, похоже, был не прав, связавшись с семьей Ханаевых. Да, непросто ему будет... И ведь никуда теперь не денешься – вот-вот родится сын. Что это будет именно сын, они с Аллой не сомневались. Об этом говорили все приметы: и ее страсть к соленьям, и острый живот, и такая жуткая тяга к пиву.

Оставалось только одно проверенное средство – поговорить по душам с лучшим другом, Славой Буковским. Посидеть у него на кухне, выпить водки,

выговориться, излив на собеседника все, что накопилось в душе, поделиться соображениями, что, видимо, поторопился он с браком, с ребенком – Алла еще слишком молода, чтобы быть женой и матерью.

Славка выслушал, похлопал по плечу:

– Ничего, старик, ничего. Все образуется.

И у Ильи не было оснований ему не верить. Слава уже был муж со стажем, дочке Дашке полтора года, жена Оля – полная противоположность яркой и непоседливой Аллы, хозяйственная, домашняя, скромная, отличная мать.

– Знаешь, как говорят поляки, – игриво подмигнул Славка, разливая остатки водки по стопкам, – в жизни мужчины должно быть три пани – для представительства, для уюта, в смысле – по хозяйству, и для постели. Лучше моей Оли пани по хозяйству не найти. Ну, а для представительства и для постели всегда есть пани на стороне...

Илья напрягся, ожидая, что друг будет развивать свою мысль и перейдет на Аллу, но Славка не сделал этого, а тактично замолк. Он вообще никогда не высказывался вслух о жене друга, но Илья подозревал, что Слава не воспринимает ее всерьез, считает всего лишь хорошенькой пустышкой. И чем дальше, тем больше оснований было у самого Ильи с этим согласиться.

Родила Алка легко и быстро. Обо всех нюансах, разумеется, заблаговременно позаботились ее родители, выбрали лучший роддом, договорились с врачами. Илье оставалось только мерить шагами вестибюль старого здания на Новом Арбате в ожидании благой вести, принесенной разве что не ангелом, а усталой санитаркой. Услышав «Емельянов, у вас сын!», он чуть с ума не сошел от радости. Хотелось кричать в голос, скакать до потолка и обнять весь мир. Весь сразу.

Забирали Аллу с малышом, разумеется, на машине тестя. Никакого праздника, никакого семейного застолья, чтобы обмыть ножки новорожденного, не было. Все прошло буднично – привезли, уложили в кроватку, попили чаю и разъехались. А пока Ханаевы втроем чаевничали на кухне, Илья стоял над колыбелькой, вглядываясь в лицо спящего сынишки.

Он очень боялся, что его отодвинут в сторону во всем, что касалось вопросов воспитания сына, но, слава богу, вышло иначе. Тесть к Максимке не очень-то проникся и свою отцовскую любовь на внука не перенес. Он по-прежнему в основном интересовался дочерью, а не новым членом семьи Емельяновых. Теща тоже больше была занята своими делами. Приезжала сначала раз в неделю, а потом и реже, на час-полтора, кудахтала над ребенком, перебирая всех близких и дальних родственников, на которых он, по ее мнению, был похож или не похож, и отправлялась восвояси. Алла от ухода за малышом быстро уставала, стала нервной, раздражительной. Глядя на все это, Илья начал сам заниматься ребенком, гулял с ним, пеленал, купал, вставал к нему по ночам, даже кормил, потому что молока у Аллы не оказалось. Что, похоже, несколько ее не огорчило, даже наоборот.

Родился Максимка в июле, а уже с сентября Алла вернулась в институт, решив, что брат «академку» не стоит. Тем более что Илье, который летом защитил диплом, повезло устроиться художником в кинотеатр поблизости от дома. Такая работа не требовала постоянного присутствия и оставляла достаточно времени для ухода за малышом. Все свободное время он тратил на ребенка, развивал его и старался не пропустить ни одного момента взросления маленького человечка. Его совсем не напрягали эти занятия, скорее наоборот, было в радость постоянно открывать в своем сыне что-то новое, учить его и видеть, как тот на глазах с каждым днем становится старше и мысленнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Кинотрилогия Г. Козинцева и Л. Трауберга: «Юность Максима» (1934), «Возвращение Максима» (1937), «Выборгская сторона» (1938).

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/galereya-maksim>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)